

ОГОНЁК
36 СЕНТЯБРЬ 1962
ЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МАШИНЫ УЧАТСЯ
Новые стихи
Пабло Неруды

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 36 (1837)

2 СЕНТЯБРЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Первый раз в школу.

Фото М. Начинкина.

Награда поэту и борцу

Чтобы колосилась пшеница и смеялись дети, чтобы цвели деревья и спокойно спали люди, земле нужен мир. Борьбе за мир на земле посвятил свою жизнь поэт и общественный деятель Пакистана Фаиз Ахмад Фаиз.

Признанием больших заслуг пакистанского борца за мир явилось присуждение ему международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

27 августа в Кремле председатель Комитета по международным Ленинским премиям академик Д. В. Скобельцын вручил Фаиз Ахмад Фаизу высокую награду.

Фото А. Гостева.

Гость Советского правительства

Нашу страну посетил исполняющий обязанности Генерального секретаря Организации Объединенных Наций У Тан.

В Ялте У Тан был принят Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым.

На снимке: во время визита.

Фото В. Савостьянова (ТАСС).

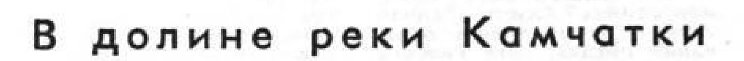

ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ ЯПОНИИ У Н. С. ХРУЩЕВА

22 августа Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев, находясь на отдыхе в Крыму, принял делегацию представителей деловых кругов Японии, в которую входили видные деятели финансово-промышленного мира Японии.

На снимке: Н. С. Хрущев и члены японской делегации.

Фото АПН.

В долине реки Камчатки

У подножия самого большого в стране вулкана Ключевского в овоще-молочном совхозе началась горячая пора уборки. Первыми вышли на поля силосные комбайны.

Фото О. Кнорринга.

Здание электростанции в Нейвели.

ТОК ДАН

Нейвели — так называлась небольшая деревушка в штате Мадрас, на юге Индии. Нейвели — это имя носит теперь самая крупная теплоэлектростанция в Индии. Строительство ее ведется при техническом содействии Советского Союза. Мощность станции будет равна 400 тысячам киловатт.

Недавно индийские инженеры, рабочие и советские специалисты одержали крупную производственную победу — пущен первый турбогенератор мощностью 50 тысяч киловатт. 5 августа президент Индии Сарвапалли Радхакришнан в торжественной обстановке официально открыл электростанцию в Нейвели.

В своем выступлении президент тепло поздравил индийских и советских специалистов с большим достижением. «Наша страна,— сказал он,— страдает от недостатка электроэнергии, которая жизненно необходима для будущего страны. Я хочу выразить благодарность Советскому правительству, оказавшему нам искреннюю помощь в строительстве этой электростанции».

Итак, первый турбогенератор дает ток. Оборудование еще для четырех турбогенераторов первой очереди, каждый мощностью 50 тысяч киловатт, полностью поставлено из Советского Союза. Последующие агрегаты будут вступать в строй один за другим с интервалами в несколько месяцев.

Значение этой электростанции для Южной Индии чрезвычайно велико. Несколько лет тому назад правительство Индии приняло решение: создать в округе Южный Аркот крупный индустриально-энергетический комплекс на базе крупнейшего месторождения лигнитов. В него входит тепловая электростанция, завод искусственных удобрений, брикетный завод и фабрика по производству каолина.

Теперь местность вокруг деревушки Нейвели сильно изменилась. Посредине краснобурой равнины раскинулся огромный карьер, в котором будет добываться ежегодно 3,5 миллиона тонн лигнита. Он используется как топливо для электростанции и будет служить сырьем для заводов азотных удобрений и брикетов. Эти предприятия получат ток от электростанции, сооружаемой с помощью Советского Союза.

В Нейвели возникает новый современный город с парками и школами, магазинами и кинотеатрами. Электростанция будет давать энергию многим предприятиям штата Мадрас и даже соседним штатам.

«Пуск первого из пяти агрегатов тепловой электростанции в Нейвели,— писала «Хиндустан таймс» 7 августа,— является краеугольным камнем экономического развития Юга Индии». Говоря о значении электростанции в Нейвели, влиятельный индийский журнал «Линк» отмечал, что «она будет ядром целого индустриального комплекса, предназначенного изменить лицо Южной Индии».

Б. БОЛЬШАКОВ

Человек и звезды

Профессор Даниэле ПЕТРУЧЧИ (Италия)

Миф рассказывает, что Дедал, пытаясь убежать с сыном своим Икаром с Крита, смастерил крылья и с помощью них поднялся в небо.

Полеты космонавтов превратили в действительность древний миф. Люди, которые в общем ничем не отличаются от нас, сумели оторваться от земли и проникнуть в космос.

Что сделают люди из этого завоевания? Останется ли оно чистым, как чисты пионеры этого дела?

Я вновь вижу добрые глаза и ясные лица четырех героев космоса, спустившихся на землю из межзвездной тишины, чтобы услышать шум ликующих толп.

Не используют ли люди с нечистой совестью величайшие достижения науки, принадлежащие всем народам, во вред человечеству?

Космос будет окончательно покорен, если все разумные существа объединят для этого свои силы.

Икар обрел свободу. Но он захотел приблизиться к колеснице Аполлона. Он потерял крылья и погиб. Икар был одинок, никто не мог помочь ему.

Побеждает тот, кто умеет правильно приложить свои силы. Человек смог освободиться от земного притяжения только благодаря совместным усилиям многих людей. Советские люди пролетели миллионы километров вокруг нашей планеты и приземлились точно в намеченном месте.

Каждый из нас гордится тем, что принадлежит к человечеству, которое проникло в космос.

Достижения «Востока-3» и «Востока-4» показывают, что может совершить в результате объединенных усилий освобожденный народ.

Человечество должно понять: подлинный прогресс состоит в том, чтобы терпеливо разрешать главные, наиболее трудные проблемы.

Великая Россия показала всему миру, что нужно смотреть дальше и выше.

Патриоту — свободу!

Восемь месяцев без суда и следствия, в нарушение общепризнанных норм парламентаризма и демократии, в концлагере на острове Болабемба томится Антуан Гизенга.

И восемь месяцев, не переставая, бурлит Африка, катятся волны возмущения по всему миру. Люди не могут смириться с тем, что верный последователь Патриса Лумумбы, борец за свободу Конго посажен за решетку.

Преследования Антуана Гизенги — это акт международного преступления. Гизенга был арестован при прямом участии войск ООН, передавших его в руки тех самых людей, которые принимали участие в расправе над Лумумбой. Разве не соучастием в преступлении является сговор некоторых представителей ООН в Конго с так называемым начальником «службы безопасности» Нендакой, агентом империалистических разведок, ответственным за зверское обращение с Патрисом Лумумбой и за выдачу его в руки убийц — Чомбе и Муконго? Изощренные в глумлениях над патриотами Конго, реакционеры содержат Гизенгу в одиночном заключении, изолировав от народа, родных и близких, применяя к нему такие бесчеловечные методы обращения, которые вызывают справедливые опасения за его жизнь. А Чомбе — убийца Лумумбы — пользуется уважением у некоторых влиятельных чиновников ООН, с ним ведут переговоры, как с равным, обеспечивая при этом неприкосновенность и безопасность его персоны.

Разве ООН не несет ответственности за ход событий в Конго, за жизнь заместителя премьер-министра, по инициативе которого были предприняты шаги к нормализации обстановки в стране, к созыву парламента и созданию правительства национального единства? Или руководители «операции ООН» в Конго поспешили забыть свои обещания, данные Гизенге в августе прошлого года, о том, что они обеспечат «выполнение взятых на себя по просьбе конголезских властей, подписавших соглашение от 19 июня 1961 года, обязательств, касающихся безопасности всех парламентариев»? Газета «Ганиэн таймс» имела полное основание писать, что Гизенга является не только пленником конголезской реакции, но и «пленником ООН и неоколониалистов. Гизенга — их пленник, и они отвечают за его здоровье и безопасность. Если совершится что-нибудь страшное, они поровну разделят вину».

Империалисты и их прислужники боятся разрешить Гизенге даже выступить перед парламентом и ответить на предъявляемое ему обвинение. Почему? Да потому, что никаких доказательств вины Гизенги не существует. Его единственным «преступлением» явилось стойкое сопротивление, которое он оказывал планам расчленения Конго и хищнической эксплуатации народа и природных богатств страны.

В эти дни, когда Гизенга спрятан от народа в тюрьму, нельзя не вспомнить его героическую борьбу за единство и независимость своей страны. Он возглавил законное конголезское правительство в Стэнливиле, сменив на этом посту великого сына Африки — Лумумбу.

Сформировав совместно с Адулой коалиционное правительство, Гизенга решительно выступил за скорейшее воссоединение страны. При этом Гизенга разоблачал соглашателей, призывал отказаться от постыдного торга с марионеткой Чомбе. Действия патриота вызвали бешеную истерию у империалистов. В ход было пущено орудие провокаций и клеветы: Гизенгу объявили «мятежным сепаратистом» и сняли с поста заместителя премьер-министра.

Комментируя расправу с Гизенгой, конголезская газета «Солидаритэ африкэн» прямо указала на виновников этого преступления: «Чему удивляться, если действия США, которые долгое время боролись с Гизенгой, лежат в основе этих маневров?»

Жизнь Гизенги, его борьба доказывают справедливость требования людей доброй воли: спасти Гизенгу, который отдал столько сил и энергии для свободы Африки.

Н. ЮРЬЕВ

СРАЖЕНИЕ НА УЛИЦАХ

Не проходит дня, чтобы газеты и радио не принесли известий о забастовках, стачках, которые непрерывно потрясают мир капитала. Недавно такая весть пришла из Италии. На Юге, в городе Бари, объявили забастовку строители.

Повысить заработки и пособия в случае болезни, сократить рабочую неделю — вот чего требовали итальянские труженики от предпринимателей.

Когда колонны бастующих проходили по улицам Бари, на мирных демонстрантов обрушились бомбы со слезоточивым газом и струи воды из пожарных брандспойтов — полиция пыталась разогнать демонстрацию. Несколько часов длилось сражение блюстителей порядка с рабочими. Более двухсот участников забастовки арестовано. Но хозяевам и полиции не удалось сломить решимость трудящихся. Дубинки и слезоточивый газ не заставили их отказаться от борьбы за свои права.

Фото ЮПИ.

ПАРИЖ ПРИВЕТСТВУЕТ ОТВАЖНЫХ

Чтобы отчетливо представить себе, как Париж реагировал на полеты Николаева и Поповича, нужно знать, что такое август в Париже. Это месяц отпусков, когда не заседает парламент, почти не собирается совет министров, когда закрыты и распущены на отдых целые учреждения и заводы. Куда ни позвонишь, слышишь один и тот же ответ: «Он в отпуске», или, как говорят в Париже: «На каникулах».

В такой обстановке в Париж пришла телеграфная весть: «Два советских космонавта бок о бок совершают полет в космосе».

И вопреки всему парижане всколыхнулись. Агентство Франс Пресс стало передавать под грифом «Молния» одно сообщение за другим. Там, где раньше в начале телеграфной ленты стояли названия разных столиц, теперь возникало только одно слово: «Москва», «Москва», «Москва»... С первых страниц экстренных выпусков газет на парижан глядели не кинозвезды и не знаменитые гангстеры, а простые, сильные, улыбающиеся люди. По радио и телевидению каждые полчаса-час появлялась рубрика «Последние известия из космоса».

Тысячи парижан звонили в редакции, на радиостудию, друг другу — все хотели знать новые подробности о «тех двух».

А когда стало известно, что советские космонавты передали с борта своих кораблей привет народу Франции, то многие, вглядываясь в небо (а в эти дни во Франции можно было хорошо видеть «Восток-3» и «Восток-4»), горячо, от всего сердца восклицали: «И вам привет, отважные!», «Счастливого пути!», «Счастливого приземления!»

В субботу 18 августа все парижане прильнули к голубым экранам телевизоров, на которых возник силуэт Спасской башни и две взметнувшиеся над башней ракеты. Голос диктора возвестил: «Показывает Москва». Затем парижане увидели Внуково, торжественный кортеж на улицах Москвы, Красную площадь, ликующих москвичей. И каждый раз, когда на экранах появлялись Андриян Николаев и Павел Попович, было ли это дома, или на улице (владельцы многих парижских магазинов, торгующих радиотоварами, ради такого случая включили телевизоры, выставленные на витринах), в толпе раздавались возгласы восторга и аплодисменты.

В письмах и телеграммах, которые приходили в эти дни в Советское посольство в Париже, можно было часто прочитать такие слова: «Наши сердца вместе с вами», «Слава героям космоса», «Слава советским людям»...

В Париже, в центре города, есть своеобразный марочный базар. Здесь собираются люди всех возрастов, одержимые одним недугом — филателией. Теперь здесь можно было то и дело слышать один вопрос: «Как достать выпущенную в Москве марку, посвященную космическому полету Николаева и Поповича?»

В парижских парках и на бульварах дети играют в космонавтов. Взрослые смотрят на них с улыбкой и говорят: «Может быть, придет день, когда и наша Франция пошлет в космос своего героя».

Г. ДРАГУНОВ

ХОТЕЛИ ЗАПУГАТЬ? ПРОСЧИТАЛИСЬ!

Куба начеку.

Этим августом над Гаваной часто проносятся тропические грозы. Тяжелые ливни обрушиваются на город. По улицам к набережной мчатся бурные потоки воды. Гром грохочет яростной артиллерийской канонадой. А через несколько минут Гавана, влажная, умытая, снова сверкает на солнце. Тропические грозы скоротечны.

Честно говоря, когда поздним вечером 24 августа раздались первые артиллерийские выстрелы, я подумал, что просто опять подошла гроза. Но в дело вступила резкая дробь крупнокалиберных пулеметов, и с балкона нашего дома было видно, что к соседнему зданию гостиницы «Сьерра-Маэстра» с моря потянулись спицы трасс. Время 23 часа 30 минут. В темноте черной безлунной ночи с трудом различались силуэты двух кораблей. Один из них находился недалеко от берега, другой двигался мористее. Корабли вели прицельный огонь по освещенным окнам гостиницы, затем перенесли его на прибрежные виллы Мирамара, которые отданы сейчас под общежития учащихся.

Обстрел длился недолго, через шесть-семь минут корабли удрали, растворившись в темноте.

Я спустился вниз. К гостинице «Сьерра-Маэстра» мчались военные патрульные машины. Вскоре сюда же приехал премьер-министр Фидель Кастро. Он прошел по усыпанному осколками стекол полу, посмотрел на прошитое пулеметной очередью кубинское знамя, потом разговаривал с милисианос, которые первыми бросились с автоматами к берегу, навстречу огню. «Ответственность за организацию этого пиратского нападения ложится на правительство Соединенных Штатов»,— сказал Фидель Кастро.

Да, теперь уже есть все доказательства тому, что этот новый акт агрессии организован и направлен руками США. Уже появились циничные признания самих участников бандитского налета. С полос американских газет смотрят их туповатые, самодовольные лица.

Корабли, обстрелявшие Гавану, вышли из Флориды, из того самого американского штата, откуда 15 апреля прошлого года летели бомбардировщики, чтобы обрушить бомбы на кубинские города. Как и в прошлый раз, операция готовилась при активном участии вооруженных сил США. Не случайно же целую неделю, предшествующую пиратскому набегу, американские самолеты-разведчики то и дело вторгались в воздушное пространство Кубинской Республики, что несколько дней подряд перед Гаваной, перед соседним портом Мариэль маячил на горизонте разведывательный корабль американского военного морского флота «Оксфорд», а подводная лодка «SS-304» крейсировала вдоль кубинских берегов. Эта операция была рассчитана на то, чтобы запугать кубинский народ.

Какая жалкая затея!

На следующее утро вся Куба, узнавшая о новой провокации из заявления Фиделя Кастро, кипела возмущением и гневом. На заводах, в учреждениях и просто на улицах вспыхивали митинги, на которых говорилось о непреклонном решении народа отстоять завоевания революции. К зданию гостиницы пришли с флагами и песнями тысячи бригадистов — учащихся школ имени Максима Горького, имени Макаренко, института имени Лафарга. В профсоюзных организациях, в комитетах Защиты Революции, в комитетах молодых коммунистов — повсюду проходили собрания. В решениях, принятых на этих собраниях, говорится о том, что опасность прямой агрессии против Кубы со стороны США и их наемников возросла, что нужно повысить бдительность, организованность, крепить единство рядов.

Вчера весь вечер я ходил по Гаване. Нет, она не изменилась, она та же — веселый, шумный, жизнерадостный город.

В одном из театров, «Прадо», идет первый фестиваль кубинской народной музыки. Все желающие не смогли уместиться в зале. Поэтому на улицу вынесли динамики, и люди слушали музыку прямо на площади, рядом с Капитолием.

В гостинице «Сьерра-Маэстра», как и было запланировано, состоялся веселый карнавал. По Двадцать третьей улице — главной улице Гаваны — проехали колонны автобусов, из открытых окон которых звучали песни. Это студенты уезжали в провинцию Пинар-дель-Рио на уборку кофе.

Да, город тот же.

Но если внимательно приглядеться, заметишь, что патрулей стало чуть больше, что часовые на постах у правительственных учреждений проверяют документы чуть попридирчивее, что в комитетах Защиты Революции позднее не гаснет свет.

Куба бдительна. Куба начеку.

Тимур ГАЙДАР

Гавана, 29 августа, по телефону.

ЗАЙЦАМИ В КОСМОС

Научные открытия всегда приносили церкви немало хлопот. Как только наука вторгалась в дела небесные, церковникам приходилось активизироваться на земле. Инквизиция работала засучив рукава. Но аутодафе не помогали. Церковники, скрипя зубами, в конце концов должны были признать все: и то, что земля круглая, что она вертится, и многое другое.

Церковные дела пошли еще хуже, когда вокруг Земли начали летать советские спутники, а затем в небесные сферы взлетели советские люди — как известно, атеисты. «Я сам убедился, что там, наверху, никого нет»,— сказал космонавт-два Герман Титов.

Теперь церковь пытается как-то угнаться за жизнью, хотя бы с помощью своего врага — науки. Оказалось, что наиболее близко к научным достижениям современности стоит пресвитерианская церковь в Арлингтоне, штат Вирджиния. Наверное, никто так и не узнал бы ни об этой ничем не примечательной церкви, ни о ее священнике, преподобном Фрэнке Ирвине, если бы вдруг не выяснилось, что американский космонавт Джон Гленн — прихожанин этой церкви, а преподобный Ирвин, стало быть, духовный пастырь космонавта. И вот в журнале «Парейд» появляется статья за подписью космонавта Гленна «Почему я уверен, что бог существует» с предисловием преподобного Ирвина.

Преподобный Ирвин возвещает, что «подобно тому, как тело Джона Гленна защищал в космосе скафандр, так его вера была защитой для его души», что «если миллионы американцев смогли бы разделить его веру, то у них нашлось бы мужество, чтобы противостоять жизненным проблемам, стоящим перед ними». Вот какую космическую ахинею обрушивает святой отец на миллионы американских читателей.

Впрочем, Гленн тоже никого не обнаружил там, наверху. «Конечно,— говорит он,— бога нельзя видеть, слышать, обонять, чувствовать, ощущать». Чего-де не видел, того не видел. Но преподобный Ирвин вкладывает в его уста слова: «Но ведь была же какая-то сила, которая держала машину в космосе и вела ее по орбите?..»

Недоучился преподобный Ирвин. Не знает он, какая сила вывела «машину» на орбиту. Но ведь невозможно поверить, чтобы сам Гленн, смело поднявшийся в космос благодаря величайшему прогрессу всемирной науки, тоже не понимал, какая сила движет космическим кораблем, который он пилотировал.

Так церковник-мракобес, а вместе с ним и американская печать устроили космонавту аутодафе. Они попытались сжечь все то, что завоевано человеческим разумом и волей.

Им это не удастся. Жизнь, подобно космическому кораблю, пролетает мимо них, и, сколько бы они ни старались уцепиться за его хвост, они не попадут в новый, космический век.

С. СЕРГЕЕВА

Фото и комментарии

В. Г. БИРЮКОВ,
заместитель директора Всесоюзного научно-исследовательского электротехнического института имени В. И. Ленина

За высокой чугунной решеткой виднеются корпуса. Один — небольшой старый, другой — громадный, восьмиэтажный, не завершенный строительством. На площадке под открытым небом неожиданно открываются взору мачты электрических передач, провода, трансформаторы, высоковольтная аппаратура. За ними — третий корпус, невысокий, с массивным цоколем. Ограда поворачивает за угол. И там тоже корпуса. Все это владения Всесоюзного научно-исследовательского электротехнического института имени В. И. Ленина.

Имени Ленина!.. Всем своим существованием институт обязан Владимиру Ильичу. Более сорока лет назад один из участников составления плана ГОЭЛРО, профессор К. А. Круг, обратился к Ленину с просьбой оказать поддержку только что организованному научно-исследовательскому электротехническому институту для решения вопросов, связанных с развитием отечественной энергетики и электротехнической промышленности. И в тот тяжелый для всей страны 1921 год Ленин написал Н. П. Горбунову, управляющему делами Совета Народных Комиссаров: «Прошу прочесть, обратить **сугубое** внимание и всячески постараться выполнить (через М. Совет, вероятно).

Если встретятся трудности, **предупредить** меня».

Эти слова, начертанные ленинской рукой, читает каждый при входе в корпус управления института — они воспроизведены на специальной доске в вестибюле. И тут же рядом, в мягко подсвеченной нише, диорама. На ней макет трехэтажного домика на улице Казакова. У подъезда, на булыжной мостовой, пара ломовых, впряженных в фургон с надписью: «Передвижная электрическая станция». Вот с чего начинал институт.

А ныне в десяти его корпусах собраны редчайшие экспериментальные установки, аппараты и приборы. Здесь рождаются творческие замыслы ученых, чтоб воплотиться в сложное современное электротехническое оборудование, которого еще нет ни в Соединенных Штатах, ни в ФРГ, ни во Франции, ни в Швеции, ни в Италии, потому что нигде в мире, ни в какой другой стране, кроме нашей, нет таких сверхвысоковольтных передач.

Фотокорреспонденты «Огонька» побывали в некоторых лабораториях института. Сделанные снимки показали заместителю директора по научной части Валентину Гавриловичу Бирюкову и попросили прокомментировать их.

ЭЛЕКТРОПЕРЕДАЧИ НАЧИН

Фото А. УЗЛЯНА и Е. УМНОВА.

Лауреаты Ленинской премии Л. Сиротинский, А. Акопян, А. Панов и А. Сапожников, В. Бирюков.

Главное направление научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок нашего института определено решениями XXII съезда КПСС — выполнить ленинский план сплошной электрификации страны.

Бурный рост энергетики, необходимость объединения отдельных энергосистем требуют резкого повышения напряжения дальних линий передач.

Еще только начиналось проектирование гидроэлектростанций под Куйбышевом на Волге, а ученые нашего института уже думали о создании большого комплекса оборудования на сверхвысокое напряжение—500 киловольт—и принимали активное участие в проектировании линий электропередач на такое напряжение.

Одновременно решались сложные теоретические вопросы, готовилась необходимая экспериментальная аппаратура и стенды для исследований и испытания оборудования линии высоковольтных передач. Группа ученых, принимавшая участие в решении такой задачи, недавно была удостоена Ленинской премии.

Сейчас совместно с другими институтами и заводами мы решаем новую проблему: в ближайшие три года надо освоить серийное производство оборудования для линии передачи переменного тока на сверхвысокое напряжение—750 киловольт. Одновременно институт разрабатывает оборудование, необходимое для сооружения дальних линий электропередач постоянного тока на напряжение 800 киловольт, а в дальнейшем — на 1 400 киловольт. Такие передачи свяжут электростанции Сибири с ее индустриальными районами и с энергосистемами европейской части страны. Сооружение линии электропередачи постоянного тока на 800 киловольт Волгоград — Донбасс должно быть завершено уже в 1963 году.

Как видите, географическая широта наших замыслов непрерывно растет. Сначала было объединение энергосистем европейской части страны, потом — центральной Сибири, а затем — слияние европейских энергосистем с сибирскими.

В создании нового оборудования мы опираемся главным образом на собственные изыскания, на собственный опыт, так как подобных линий передач до сих пор нигде в мире не было. Для испытаний сверхвысоковольтного оборудования институт располагает экспериментальной базой с уникальными сооружениями и установками, сделанными самим институтом. Ваши фотокорреспонденты засняли некоторые из них.

Под сводами большого высоковольтного зала создан генератор импульсных напряжений для получения искусственной молнии, которая по своей характеристике может и с природной потягаться: длина ее — 8 метров, а напряжение — 7 миллионов 200 тысяч вольт.

Для чего это нужно? Грозы, как известно, таят в себе большую опасность для электрических сооружений. Ученые с давних пор, еще со времен М. В. Ломоносова и его сподвижника Г. В. Рихмана, учились бороться с ними. Стоят грозы и на нашей повестке дня. Генератор позволяет испытывать аппаратуру высоковольтной линии и ее способность выдерживать грозу, которую мы вызываем.

На снимке справа вы видите инженера П. В. Терентьева и техника Ю. С. Катасонова в момент подготовки генератора к пуску. Для измерения грозовых напряжений в зале установлены пустотелые медные шары различного диаметра.

Импульсный генератор создает молнию, а лаборатория перенапряжений лауреата Ленинской премии А. А. Акопяна с ней борется, ищет меры защиты от нее. И не на какой-нибудь линии передачи, а на той 750-киловольтной, которая только еще будет. Впрочем, нет, не будет, а уже есть. В одной из комнат лаборатории — схема линии, несущей колоссальный поток энергии, уменьшенный во много раз. Это модель будущей электрической артерии.

А вот еще одна большая лабораторная установка, на снимке напоминающая диковинные, фантастические сооружения других миров... Это каскад из трех трансформаторов на 2 миллиона 250 тысяч вольт. Он тоже предназначен для испытания оборудования сверхмощных линий электропередач.

Какой же должна быть изоляция не лабораторного, а реального трансформатора, способного поднимать напряжение до 750 киловольт? Этими вопросами занимаются лауреаты Ленинской премии А. В. Панов и А. В. Сапожников.

В каждой из работ, о которых я рассказал, и еще во множестве других, не отмеченных объективами фотоаппаратов, прямо или косвенно участвует один из основателей нашего института, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, лауреат Ленинской премии Леонид Иванович Сиротинский. Многие наши ученые, в том числе и я, — его ученики. Его труды широко известны специалистам всех стран. Некоторые зарубежные инженеры изучают русский язык для того, чтобы читать его книги в подлиннике. Когда я был во Франции, меня засыпали вопросами: «Над чем работает ваш Сиротинский? Когда выйдет очередной том его «Техники высоких напряжений»?»...

...Более сорока лет назад в тесных лабораториях электротехнического факультета Московского высшего технического училища на берегу Яузы зародился наш институт. А сейчас от него уже отпочковались десятки других институтов, конструкторских бюро и лабораторий. Вот как далеко шагнули мы от передвижной электростанции, влекомой парой коней, которую вы видели в вестибюле!..

АЮТСЯ ЗДЕСЬ

Петр Алексеевич Ярковой.
Фото Д. Ухтомского.

НА МОСТИКЕ, ПОД ВСЕМИ ШИРОТАМИ

Плавбаза «Урал» подошла к пятому причалу Таллинского порта. К ее открытым трюмам с двух сторон конвейером движутся грузовики. Из кормового трюма выгружаются бочки с соленой рыбой. В носовой трюм грузится новенькая, сверкающая на солнце и еще пахнущая свежей древесиной тара. Через несколько дней снова в путь, в океан.

Капитан «Урала» Петр Алексеевич Ярковой поступил в юности учиться в Ростовский политехникум водного транспорта. Первая практика, терпкий воздух и горячее солнце над Азовским морем. Было и Черное море, а больше всего, почти как собственные ладони, знаком капитану бесноватый, ядовито-зеленый красавец Каспий. Сколько раз пересекал Каспий с севера на юг и с востока на запад? А кто ж его знает — плавал на Каспии шестнадцать лет, а навигация там — круглый год!

22 июня 1941 года ушел в Каспийскую военную флотилию, в подразделение ПВО. Оттуда — командиром бронекатера на Волгу, под Волгоград. Переправы. Сопровождения десантных судов. Налеты на фашистскую береговую оборону. Транспортировка раненых. Разведка боем. На Черном море тоже приходилось воевать, и в Дунайской флотилии, и на Днепре.

А после демобилизации командовал китобойцем во флотилии «Слава». Шесть лет ловил китов в высоких широтах — в Антарктике. Потом перевелся в Таллин. Они прибыли в порт одновременно — плавбаза «Урал» и будущий ее капитан Петр Алексеевич Ярковой. И в один светлый вечер, оставив позади элегический шелест таллинских парков и тихую воду бухты, ушли к островам Атлантического океана — к Фарерам, к Ньюфаундленду. Здесь промышляют рыболовные суда Эстонской флотилии, находясь в океане четыре-пять месяцев, а случается — и полгода.

Какая бы ни была погода, режим рейса всегда одинаков — поиск косяка, лов, обработка рыбы, засол. Бочка за бочкой погружается в трюм, все глубже оседает судно. Но далеки, трудны и невыгодны были бы для маленьких плавучих рыбокомбинатов частые переходы домой и обратно. И судно шлет позывные плавбазе «Урал». Встреча с ним — всегда праздник для рыбаков. Их ждут письма и посылки, новые кинофильмы и газеты, запасы чистого белья и вкусных продуктов, встреча с друзьями.

Полтора месяца пробыл «Урал» в последнем рейсе в Атлантике, принял груз с 58 судов. С полными трюмами вернулся в порт. Выгружена рыба, приняты новые запасы продуктов, белье, кинофильмы и книги. Команда гостит на берегу. И только капитан Ярковой постоянно на мостике — в пути и у причала.

Н. ХРАБРОВА

К ДАЛЕКИМ МИРАМ

Космический корабль летит к далекой планете. В кабине монотонно жужжат автоматы, поскрипывают перья самописцев, мягко светятся стрелки приборов. И так день за днем, месяцы, годы. На Земле человека окружают гаммы красок, звуков. А здесь только черное небо с застывшими звездами, нестерпимо яркое солнце...

А. Бугров. О. Горлов «Жизнь и Космос». Издательство «Советская Россия».

Книга «Жизнь и Космос» рассказывает о будущем космическом полете, распорядке дня космонавтов, их питании, развлечениях. Человек всегда связан с Землей. Он должен знать, что происходит на ней, следить за событиями на родной планете, видеть своих близких. А может быть, захочет посмотреть и футбол? Все это обеспечит космонавтам надежная радио- и телевизионная связь.

В книге увлекательно рассказано о большой и кропотливой работе ученых, подготавливающих космические полеты, о трудностях, которые создает состояние невесомости межзвездным путешественникам.

Книга «Жизнь и Космос» найдет читателей среди людей различных возрастов и профессий.

А. ГОЛИКОВ

ЧАСЫ БЕЗ ЗАВОДА

К электрическим часам мы привыкли. Мы видим их на улицах и в метро, в цехах заводов и фабрик, в кабинетах учреждений.

Но вот на небольшом циферблате новых ручных часов, созданных Вторым московским часовым заводом, надпись: Электрические.

Источником энергии служит здесь крошечная электрическая батарейка напряжением 1,5 вольта. Она настолько мала, что свободно размещается внутри корпуса часов.

Заводить их не надо. Батарейка обеспечивает энергией механизм в течение целого года. А головка нужна только для того, чтобы

остановить часы или перевести стрелки. Выпуск батареек организован в достаточном количестве, и они будут поступать в часовые мастерские.

Электрические ручные часы точнее механических.

Опытная партия уже поступила в продажу.

Скоро завод приступит к серийному изготовлению.

А. ХАЛИЛОВ

Энтузиаст русской литературы

Иван Петрович Малютин.
Фото А. Ходова.

На Урале, в Челябинске, живет Иван Петрович Малютин, поэт из народа, человек удивительной литературной судьбы. Более шестидесяти лет он пишет стихи, и вот в областном издательстве вышла его первая книжка, затем переизданная в Москве. Но это не книжка стихов. Первая книга 87-летнего литератора — воспоминания о незабываемых встречах с выдающимися людьми России, писателями, учеными, артистами.

Необычна литературная биография И. Малютина. Сын деревенского сапожника, он самоучкой овладел грамотой, затем юношей гонял плоты по Шексне и Волге, был чернорабочим, землекопом, грузчиком, сторожем и както неожиданно для себя стал писать стихи. Полюбил книги и поэтому стал библиотекарем и переплетчиком на «Большой мануфактуре» в Ярославле.

А потом тюрьма, и ссылки за распространение «запрещенных книжек», и аресты за стихи против самодержавия.

Многие известные писатели и деятели культуры России были друзьями этого поэта из народа, чьи стихи полны непосредственности и искренности. За долгие годы у И. Малютина накопилось немало интересных писем от Короленко, Горького, Подъячева, Шишкова, Фадеева, Дрожжина, Щепкиной-Куперник... Малютин вел длительную переписку с известным ученым Глазенапом, шлиссельбуржцем Морозовым, артистами Качаловым, Орленевым. У писателя хранится более двухсот писем Н. Д. Телешова.

В библиотеке И. П. Малютина сотни томов. И почти на каждом из них — дарственная надпись, автограф писателя. Посылая Малютину одну из своих книг, А. М. Горький писал ему из Сорренто:

«Спасибо вам, Иван Петрович, за ваше интересное письмо, познакомившее меня с еще одним хорошим русским человеком. Такое знакомство — радость. Верить в человека и любоваться ростом его духа,— это лучшее, что дает нам жизнь».

Мы сидим в небольшой квартирке Малютина. Иван Петрович бодро расхаживает по комнате, то и дело подходит к книжным полкам, знакомит со своим обширным хозяйством. Тоненький, уже изрядно потрепанный «Журнал для всех». В нем рассказ М. Горького, басни Д. Бедного, а на первой странице стихотворение И. Малютина об ужасах империалистической войны. Вот стихотворение «Два потока», напечатанное в 1912 году в барнаульской газете «Алтайский край». За опубликование стихотворения газета была закрыта, а редактор и автор отсидели в тюрьме.

А вот толстые пачки писем. В большинстве своем это фотокопии. Оригиналы, представляющие ценность, сданы в музей. Перебирая странички, Иван Петрович рассказывает о Короленко, с которым у него многие годы продолжалась задушевная переписка, о встречах с Горьким, Подъячевым, о своей многолетней дружбе с Шишковым. С автором «Камаринского мужика» и «Дубинушки» Леонидом Николаевичем Трефолевым — современником Некрасова — И. Малютин часто виделся в Ярославле в конце 90-х годов. Неутомимый исследователь Азии Григорий Николаевич Потанин был большим другом писателя.

Книжка воспоминаний написана И. Малютиным по совету А. Фадеева, который относился к старому писателю с огромным уважением. «Я думаю, что самое правильное из того, что Вы можете сделать,— это написать свои воспоминания,— писал он Малютину.— Не подумайте, что я говорю мимоходное доброе слово, но я по существу убежден в Вашей талантливости, а жизнь, прожитая Вами, не похожа на другие...»

Энтузиастом русской литературы назвал Малютина Вячеслав Шишков. Несмотря на преклонный возраст, И. П. Малютин полон творческой энергии. Он упорно продолжает работать над новыми страницами своих увлекательных воспоминаний.

Г. АРОНОВ

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Накануне вторжения Наполеона в Россию крупнейший чешский ученый И. Добровский, побывавший в России в научной командировке, в беседе со своими друзьями сказал: «Россия не погибнет, Наполеон еще не знает русских, силу которых он испытает на собственной шкуре». От своего мнения И. Добровский не отказался и позже, несмотря на неудачи России на первом этапе войны. В то время чешские газеты вынуждены были публиковать только официальные бюллетени французского командования, так как Австрийская империя была союзником Франции. Но позже «Патриотической газете», издаваемой в Праге, удавалось печатать ряд информаций из русского лагеря.

Интересный материал в этой же газете печатался под рубрикой «Нечто о России», где давались краткие данные исторического и экономического характера о тех городах, за которые шли сражения.

С большой радостью, как об этом свидетельствует письмо известного чешского ученого И. Юнгманна своему другу поэту Ант. Мареку, узнали чехи из неофициального источника 19 ноября 1812 года об отступлении французов из Москвы. Характерно, что официальное сообщение об этом важном событии было напечатано в пражской газете лишь 28 ноября.

Отечественная война русского народа с французскими захватчиками помогла чешскому народу лучше понять своего великого славянского брата и вдохнула новые надежды в борьбе за национальное освобождение.

Ф. МОЛОК

Берега одной реки

Профессор В. КОВАНОВ,
член Президиума Советского
комитета защиты мира

Автору этих строк довелось недавно вместе с группой участников Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир побывать в Демократической Республике Вьетнам, которая 2 сентября отмечает 17-ю годовщину своей независимости.

В Ханое мне представили переводчика, молодого человека по имени Бинь. Это имя встречается во Вьетнаме так же часто, как в России Иван. Бинь учится в педагогическом институте. Этот юноша с правильными чертами лица, с темными горящими глазами весь в движении. Он спешит сообщить, что русским языком владеет еще плохо, живет в общежитии. Через час я уже знал, что у Биня есть очаровательная девушка, «лучше всех во Вьетнаме», которая учится вместе с ним на факультете, и что дело идет к свадьбе. Только вот со своими родными Бинь не может познакомить невесту. Его семья — отец и мать, братья и сестры,— как это часто бывает во Вьетнаме, находится по другую сторону границы, на юге страны. Он ничего о них не знает, живет в постоянной тревоге за их судьбу.

— Завтра у вас будет очень интересный день,— прощаясь со мной в тот вечер, сказал Бинь.— Приготовьтесь встать пораньше: в Ханое в шесть утра уже все на ногах.

В шесть часов площадь Ба Динь была заполнена народом. Нет ни одного человека в республике, кого не волновала бы судьба братьев-вьетнамцев, томящихся в неволе к югу от 17-й параллели. Борьбе за воссоединение Севера и Юга был посвящен митинг на площади Ба Динь, куда пришло более трехсот тысяч человек. Собравшиеся единодушно потребовали вывести с юга страны иностранные войска и предоставить самим вьетнамцам решать вопросы внутреннего устройства.

После митинга мы встретились с членами правительства во главе с премьер-министром Фам Ван Донгом и представителями общественности. Фам Ван Донг рассказал нам о героической борьбе вьетнамского народа и успехах, достигнутых в строительстве социализма.

Страна находится на подъеме, бурно развивается промышленность и сельское хозяйство. Пятилетний план на 1961—1965 годы, принятый на III съезде Партии трудящихся Вьетнама, будет выполнен досрочно.

В Ханое мы посетили механический завод, построенный с помощью Советского Союза, производящий токарные и фрезерные станки. Сейчас на заводе только один специалист из Советского Союза; на командных должностях — вьетнамские специалисты, подготовленные здесь советскими друзьями. Продукция завода идет и на экспорт. Мы встречались с рабочими, передовиками производства, ударниками социалистического труда.

Многие рабочие днем трудятся, а вечером садятся за школьные парты, на студенческие скамьи. Одни учатся в средней школе, другие — в политехническом институте, организованном при заводе.

Советский Союз помогает Вьетнаму строить электростанции, чайные фабрики, рыбоконсервный завод, оловянный комбинат, фармацевтическую фабрику и большой госпиталь. Китайская Народная Республика помогла переоборудовать и расширить текстильный комбинат, построить два сахарных завода, фармацевтическую фабрику. Чехословакия приняла участие в строительстве цинкоплавильного завода, оборудовала пивоваренный завод и большой госпиталь в Хайфоне. С помощью народной Польши построена теплоцентраль, с помощью Германской Демократической Республики — типография и кинофабрика.

Мы были приглашены на прием во дворец президента республики.

В саду, в тени огромного ветвистого дерева, нас, представителей восьми стран, встретил товарищ Хо Ши Мин. Он подошел к нам бодрой походкой, в легком белом костюме, в сандалиях, которые носят все вьетнамцы. Президент тепло поговорил с каждым и пригласил к столу.

В непринужденной беседе за чашкой чая Хо Ши Мин интересовался нашим самочувствием, спрашивал, удобно ли мы размещены, учтены ли наши национальные вкусы и привычки.

Хо Ши Мину было приятно видеть у себя за столом представителей соседнего Лаоса, который недавно обрел независимость. Президент сердечно поздравил лаосцев и пожелал им скорее залечить раны войны и успешно строить в содружестве со всеми народами новую жизнь.

Хо Ши Мин в совершенстве владеет несколькими языками. Беседа текла непринужденно, то и дело сыпались остроты. Незаметно прошли два часа.

...Из столицы мы летим на юг страны, в пограничный район Винь-Линь.

Внизу видны похожие на лоскутное одеяло рисовые поля. Небольшие квадратные участки залиты водой или готовятся под посадку рассады риса — основной культуры сельского хозяйства Вьетнама; кое-где уже виден пышный зеленый ковер. Повсюду склоненные фигурки людей.

И вот мы у пограничной реки Бенхай, которая разделяет здесь Северный и Южный Вьетнам.

Я вспоминаю моего переводчика Биня, которого эта неширокая речка разлучила с семьей.

На одной стороне реки, на высокой мачте, развевается огромный красный флаг с пятиконечной звездой — символ свободы и независимости. На другом берегу — полосатое зелено-белое полотнище нгодиньдьемовской клики — флаг тех, кто продает родину иностранным империалистам.

— Там, за рекой, жизнь идет так, как у нас в недалеком прошлом. Нас разделяет только река Бенхай. В ней больше слез, чем воды,— говорит Нгуен Минь, заместитель председателя местного отделения Отечественного фронта.— Ведь многие семьи в деревнях, через которые течет речушка, оказались разбитыми.

Товарищ Нгуен Минь рассказал, что раньше здесь свирепствовали голод и нищета. Одни брюки приходились на целую семью. Люди болели трахомой, туберкулезом, малярией; на весь район была одна медицинская сестра.

Теперь есть больница на 170 коек, 4 врача и 25 человек среднего медицинского персонала. Нет больше неграмотных; в районе 25 школ первой ступени и 7 школ второй ступени.

Но жизнь здесь неспокойна. Нгодиньдьемовские наймиты часто устраивают провокации и диверсии. За восемь лет зарегистрировано 6 978 нарушений Женевского соглашения американо-дьемовской кликой.

По дороге к морю, на берегу реки Бенхай, мы встретили пожилого рыбака Хо Куена. Сгорбленная фигура полна скорби. Речь скупа и лаконична. Он рассказывает, что нгодиньдьемовская банда убила двух его братьев, а двух сыновей вот уже несколько лет держит в тюрьме за то, что их лодку, на которой они ловили рыбу, порывом ветра прибило к другому берегу реки.

Когда мы прибыли в город Куанг Бинь, там только что закончился судебный процесс над шпионами и диверсантами, засланными американской разведкой в Северный Вьетнам. Из 16 диверсантов перед судом предстали 12; четверо оказали сопротивление и убиты на месте. Шпионы прошли соответствующую подготовку на Тайване, потом их перебросили на территорию Северного Вьетнама. Народ с негодованием узнал о происках американской военщины и горячо поддержал справедливый приговор. В помещении школы Куанг Биня демонстрировались вещественные доказательства преступной деятельности шпионов — оружие американского производства.

Повсюду в стране проходят демонстрации, люди требуют у властей Южного Вьетнама свободы своим близким, уничтожения «зон процветания», «лагерей переселения», улучшения условий жизни и предоставления демократических свобод. Нередко рабочие и крестьяне ложатся на мостовые, чтобы преградить дорогу военным машинам, идущим в карательные экспедиции.

Проезжая по городам и селам республики, мы всюду видели транспаранты и плакаты, призывающие к объединению страны. На переправах у больших рек мы видели карикатуры, зло высмеивающие нгодиньдьемовскую клику и американских империалистов, пытающихся задушить свободу в Южном Вьетнаме.

Прошедший год является годом новых поражений Нго Динь Дьема и его американских хозяев. Народ продолжает упорную и мужественную борьбу. И он добьется победы в борьбе, добьется воссоединения своей родины.

Ханой. «Вьетнам будет единым!» — написано на плакате, который несут демонстранты.

С НОВЫМИ МИРОВЫМИ...

Среди пассажиров вертолета, вылетевшего к месту посадки двух космических кораблей, был и этот невысокий человек. Он уже вторично принимал участие в подобной встрече и все равно не мог сдержать волнения.

Иван Григорьевич Борисенко, спортивный комиссар Центрального аэроклуба имени В. П. Чкалова, 12 апреля 1961 года одним из первых поздравил Юрия Гагарина. Теперь он одним из первых обнял и новых победителей космоса Андрияна Николаева и Павла Поповича.

В тот день, когда спортивный комиссар И. Г. Борисенко с места космического финиша вернулся в Москву, мы встретились с ним в Центральном аэроклубе, и он по нашей просьбе рассказал еще об одной стороне события, потрясшего весь мир.

Полетом наших космонавтов, кроме ученых, конструкторов, инженеров, врачей, интересовались еще и деятели ФАИ — Международной авиационной федерации. Дело в том, что на одном из заседаний федерации в 1960 году по рекомендации представителей СССР был впервые разработан кодекс рекордов, устанавливаемых человеком в безвоздушном пространстве. По этому кодексу, утверждению подлежали рекорды продолжительности и дальности полета в космосе, высоты полета за пределами земной орбиты, а также высоты полета в пределах земной орбиты, наибольшего веса, поднятого на высоту свыше 100 километров.

Впервые этот кодекс начал действовать после приземления первого космонавта — Юрия Гагарина, а теперь представитель Международной авиационной федерации на основании кодекса должен был зарегистрировать рекорды двух новых наших космонавтов.

Андриян Николаев за 95 часов облетел земной шар более 64 раз и прошел расстояние более 2 миллионов 600 тысяч километров. Павел Попович за 71 час облетел более 48 раз вокруг Земли и прошел расстояние около 2 миллионов километров.

Но как же оформляются мировые космические рекорды?

В ответ на этот вопрос И. Г. Борисенко кладет перед нами нарядную кожаную папку, на которой золотыми буквами по-русски и английски написано: «Дело о рекордах первого космического полета гражданина СССР Юрия Алексеевича Гагарина на космическом корабле-спутнике «Восток» 12 апреля 1961 года».

В этой папке хранится несколько актов. В них сообщается о взвешивании космического корабля, старте, приземлении, об определении продолжительности полета, о максимальной высоте, достигнутой космонавтом. К документам приложены методика определения элементов орбиты космического корабля, отчет об устройстве корабля и его специальном оборудовании, а также личный доклад Гагарина.

— Вот по этому образцу и будут оформлены рекорды Андрияна Николаева и Павла Поповича, а затем отправлены для утверждения в Международную авиационную федерацию,— говорит И. Г. Борисенко.— Но если полеты Гагарина и Титова полностью укладываются в рамки утвержденного кодекса, то сейчас его придется расширить: ведь в нем не учитывалась возможность группового полета в космосе, столь блестяще осуществленного двумя советскими космонавтами.

На финише спортивный комиссар И. Г. Борисенко поздравляет летчика-космонавта А. Г. Николаева с новыми мировыми рекордами.

Фото М. Рафикова.

ОБРАЗ ЮНОСТИ

У каждого поколения есть свои любимые герои.

У тех, кто за школьной партой спорил о чкаловских перелетах, обсуждал сводки боев из Испании, а юность встретил в окопах под Москвой, таким героем был обыкновенный парень — Сережка Луконин из пьесы Константина Симонова. Как-то сразу он вошел в жизнь со сцены и экрана, зашагал в одних рядах со смелыми и дерзкими...

И вот снова — через двадцать с лишним лет — появилось на афише московского ТЮЗа название «Парень из нашего города». Опять вышел навстречу зрителям Сережка Луконин, все такой же белозубый и озорной. И ветер юности, тревожный, горячий, захлестнул зал.

Как перекличку двух поколений, двух юностей — сегодняшней и вчерашней — решает пьесу К. Симонова, получившую новую сценическую редакцию, режиссер Евгений Симонов.

На сцене, где начинается действие, стоит старенькое пианино в комнате без стен, ветер раздувает занавески, укрепленные на оконной раме, а кругом ширь, просторы необъятные... Далеко к горизонту уходит излучина реки, чуть ближе теснятся крыши домов, а дальше — синие луга, плесы... И герои спектакля Сережка (В. Горелов), Валя (И. Реаль), Аркадий (К. Назаров) с самого начала ощущаются как бы слитыми с просторами Родины, с самой Родиной. Замыслу режиссуры целиком отвечает замечательная работа художника В. Талалая.

Все в постановке сделано с увлечением, с интереснейшими находками и подчинено единому замыслу, единой цели — вызвать на сцене образ юности, заставить его жить трепетно, взволнованно.

Л. ОСИПОВА

ПОСЛАНЦЫ ПЯТИ КОНТИНЕНТОВ

В белоколонном Таврическом дворце несколько дней звучала многоязычная речь. Со всех континентов съехались сюда делегаты и гости VII конгресса Международного Союза студентов.

— Нынешний конгресс был самым представительным,— заявил корреспонденту «Огонька» К. Черевнову президент МСС Иржи Пеликан.— Его участники — студенты 90 стран. Мы открываем двери для всех студенческих организаций, стремящихся к единству в борьбе за мир. Работа конгресса совпала с возвращением героев-космонавтов Николаева и Поповича в Москву. Мы послали им самые горячие поздравления. Восторженно встретили делегаты Космонавта-1 — Юрия Гагарина, выступившего с интересной речью. Пусть и другие страны следуют примеру советского народа в освоении космического пространства на благо человечества.

Нас всех вдохновило теплое послание Н. С. Хрущева. Напомним, что наш конгресс проходит в августе, месяце сбора нового урожая, Н. С. Хрущев сказал, что, «обмениваясь опытом борьбы и деятельности студентов в ваших странах, вы также как бы собираете своеобразный урожай». Это очень здорово сказано! Действительно, студенты активно участвуют в решении важнейших вопросов нашей эпохи.

Да, студенты хотят учиться, быть полезными своему народу. Но они знают: их место не только в университете, потому что без мира, национальной независимости и свободы не может развиваться образование, не может быть прогресса.

Во время работы конгресса пришло известие о пиратском обстреле Гаваны американскими агрессорами. Делегаты послали телеграммы протеста президенту Кеннеди и в Организацию Объединенных Наций.

VII конгресс МСС подтвердил, что место студентов не только на университетской скамье. Сила студентов заключается именно в их единстве с народом, которому они отдадут все свои силы и способности.

На снимке: Делегаты конгресса смотрят телевизионную передачу из Москвы. На экране — новые герои космоса Николаев и Попович.

Фото В. Лихачева.

«Мне сорок лет»

В выставочных залах Московского отделения Союза журналистов открыта выставка сатирического и юмористического рисунка мастеров «Крокодила» — «Мне сорок лет». В журнале за четыре десятилетия напечатано более двадцати тысяч карикатур. На выставке — около четырехсот работ пятидесяти художников-сатириков трех поколений. Здесь представлены Моор, М. Черемных, И. Малютин, Дени, Л. Бродаты, Кукрыниксы (М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов), И. Семенов, Б. Пророков, К. Ротов, Ю. Ганф, В. Горяев, А. Каневский, Б. Ефимов, Е. Горохов, Е. Ведерников, Ю. Узбяков, Ю. Черепанов, М. Ушац и еще многие.

Разнообразен талант художников-крокодильцев, различна творческая манера, но их объединяет одна цель — беспощадно высмеивать тех, кто мешает нам строить будущее.

27 августа состоялся юбилейный вечер журнала. С отчетом перед читателями выступил главный редактор «Крокодила» М. Г. Семенов. В адрес юбиляра поступили многочисленные приветствия.

Фото Г. Дубинского.

Люди, время, события

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА

Такие записи помогают мне накапливать жизненный материал, запоминать подробности, оттенки жизни.

Многие из них входят потом строчками в стихи, а иные становятся сюжетной основой стихов, очерков, рассказов.

Ромашка

Я жду попутной машины. Натертый до стального блеска проселок клинком врезается в березовую рощицу. Чтобы спастись от зноя, спешу туда, оглядываясь, не вынырнула ли машина.

В роще, как в светлой горнице, весело и уютно. Березы растут негусто, и на открытых лужайках множество цветов: синих колокольчиков, розовой гвоздики, белой ромашки.

Рядом послышались детские голоса. Минуту спустя я увидела двух мальчуганов лет десяти — двенадцати, на удивление белоголовых и белобровых. У каждого в руках эмалированная кружка, полная земляники.

Мальчишки уселись под тенистой березой. Не обращая на меня ни малейшего внимания, они вели серьезный мужской разговор.

Один из них, должно быть, старший, сорвал крупную ромашку и, положив ее на забрызганную земляничным соком ладонь, объяснял товарищу:

— Желтая срединка — это все равно, что наша земля. Белый венчик — атмосфера, а за ней космос, безвоздушное пространство. Понятно?

Младший шмыгнул коротеньким облупленным носом.

— Чего тут не понять? Обыкновенно. Знаешь что,— предложил он,— давай эту ягоду съедим,— горсточкой она слаще,— а для дома наберем еще, вон ее кругом сколько!

Наконец показалась машина. Пока она приближалась, я успела набрать букетик ромашек — тихих луговых цветов, которые помогли белоголовому мальчугану зримо представить себе нашу планету в пространстве.

Обоянь

Я никогда не была в Обояни. Говорят, что это очень милый городок, утопающий в зелени и фруктовых садах.

Вспомнила я сейчас о нем в связи с одной историей.

В тридцатом году на большую уральскую стройку приехал русый паренек из Обояни. Определился чернорабочим: ни специальности, ни образования у него не было.

Шли годы. Поднялся в степи индустриальный гигант, широко раскинулся прекрасный город.

Завидно сложилась судьба того парня: вырос он в умелого мастера-металлурга. Гору металла — не меньше — выплавил он за четверть века безупречной огневой работы.

Всему приходит свой срок. С почетом проводил цех старого мастера на заслуженный отдых.

И тут поманил его тихий городок Обоянь — в цветущих садах, в птичьем щебете. Поманил, да так властно, что распрощался мастер со всем, что было ему дорого, и вдвоем с женой уехал в тишине доживать свой век.

Но не так-то просто, оказывается, оторвать сердце от города, который строил своими руками, от завода, с которым навек породнился, от верных друзей-товарищей.

Понял мастер, что тысячью неразрывных нитей связан он с рабочим городом, ставшим его большой судьбой, его единственной Обоянью... И он вернулся сюда, как возвращается человек к себе домой, где он всегда желанен, всегда необходим!

Генеральская папаха

Снег, как шкурка весеннего зайца: крапчатый, в темных подпалинах. Сосны окольцованы кругами проталин. Пахнет смолой, оттаивающей землей и еще чем-то неуловимо нежным.

Такое чувство, что весна рядом, может быть, даже вон в той боковой аллее, щедрее других залитой солнцем.

В парке безлюдно и тихо, как в большом лесу. Только на одной скамейке сидит старик в высокой папахе из серого каракуля.

В руках у него белая булка. Он отщипывает по крохотному кусочку и бросает воробьям — вездесущим и озорным, как мальчишки.

Мальчишескими кажутся и глаза старика, лукаво и улыбчиво лучащиеся из-под низко надвинутой папахи.

Мы разговорились. Голос у старика рокочущий и сильный. Слова ложатся стройно и прочно.

Зовут старика Иннокентием Гавриловичем. Он коренной сибиряк, сюда приехал погостить к сыну.

— Не иначе — подарок сына? — спросила я, указывая на папаху.

Старик довольно улыбнулся.

— Балует меня сынок. То сапоги подарит, то рубашку. А такой шапки, как эта, мне и во сне не снилось. Генеральская! Но дело, однако, не в этом. Старому человеку всегда отрадно сыновью одежду носить, вроде молодость свою вспоминаешь...

Иннокентий Гаврилович задумался. Глаза затуманились. Но вот они снова весело вспыхнули.

Старик снял папаху, словно ягненка, погладил ее своей большой, еще сильной рукой и сказал задумчиво:

— Когда я вернулся с гражданской, моему старшенькому, у которого сейчас гощу, шел двенадцатый годок. Шибко ему приглянулась моя буденовка — суконный шлем с красной звездой. Бывало, вертится возле меня, ластится, чтобы дал буденовку надеть.

Так и перешла она к нему по наследству: в той буденовке он, можно сказать, и в жизнь шагнул. Одним из первых в нашем поселке в комсомол записался. С того биография его и началась...

Выходит, что генеральская шапка от буденновского шлема род свой ведет! Мне она чуток великовата: кудри-то старость пообщипала. А у сына держатся, хотя тоже снежком густенько пересыпаны...

Тяжелые кирпичи

В каждом доме, который строился во время войны, непременно есть ряд тяжелых кирпичей.

...Было это в сорок третьем году. По заданию редакции я пришла на стройку молодежного общежития, чтобы собрать материал для очерка о знатном каменщике.

Пристроившись в сторонке, я наблюдала, как работает этот пожилой человек в грубой брезентовой робе и в брезентовых же ботинках на толстой деревянной подошве.

Работал он удивительно споро: в руках мастера кирпичи казались невесомыми,— так легко подхватывал он их и клал в ряд с другими, закрепляя раствором.

И вдруг этот четкий трудовой ритм прервался. К каменщику подошла заплаканная девушка и что-то ему сказала.

Я видела, как помрачнело его лицо, как согнулись, словно надломившись, крутые плечи. Трудным движением руки он снял с головы картуз и прижал его к груди.

Молча постояв минуту-другую, каменщик снова принялся за работу. Он медленно поднимал налившиеся тяжестью кирпичи, беря их уже не одной, а обеими руками.

Так он и работал до конца смены — пожилой рабочий человек, узнавший в этот день, что единственный его сын погиб под Волгоградом, защищая Родину.

Палатка

Пожилые люди, очевидно, муж и жена, равнодушно слушают рассказ экскурсовода. Лица у них тусклые, отчужденные, словно их разъединяет ссора или взаимная обида.

Зачем они пришли в музей? Скоротать время? Или, может быть, они приезжие и решили отдать день всем достопримечательностям молодого города, у кото-

рого есть уже не только своя история, но и хранитель этой истории — городской музей?

Я хожу по выставочным залам, будто листаю страницы своей юности. Удивительно быстро движется время! Многое из того, что недавно было орудиями труда, принадлежностью нашего быта, стало музейными экспонатами.

А вот и брезентовая палатка — неизменная спутница строителей тридцатых годов!

Возле палатки уже знакомые мне мужчина и женщина. Впрочем, они ли это? Куда девалось хмурое выражение глаз, унылая отчужденность? Они стоят, взявшись за руки, и улыбаются — чуть застенчиво и молодо.

Невольно слышу я разговор:

Он. Ты помнишь, как твоя коса ночью к брезенту примерзла?

Она. Это было в буран, тогда много палаток снесло. А наша уцелела: хорошо была укреплена.

Он. Еще бы, для молодой жены палатку ладил, постарался...

Она. Сейчас бы, наверно, не так старался.

Он. Ты, Аня, не можешь, чтоб не уколоть. Не сердись за вчерашнее, ладно? Видишь, мы с тобой нежданно-негаданно в гости к нашей юности угодили.

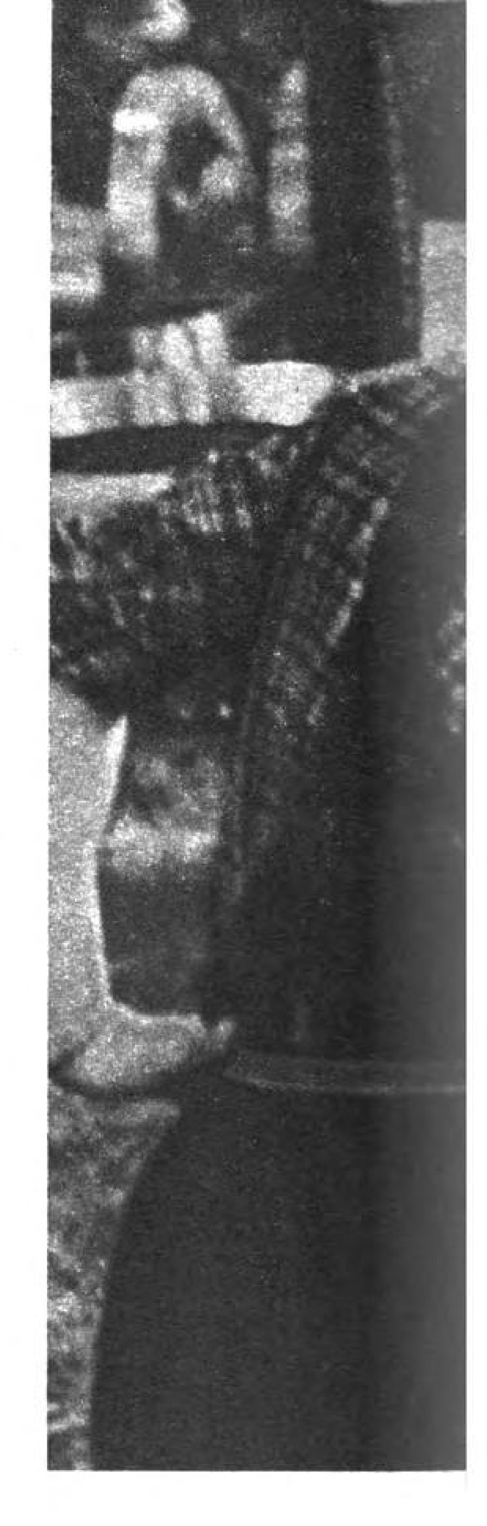
Челябинск.

РАБОЧИЙ

Утро. Шагают к цеху рабочие ребята. Второй справа — токарь Анатолий Цыкало.

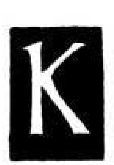

ПАРЕНЕК

Ал. ИОНОВ

Фото А. УЗЛЯНА.

Кое-кто в цеху был не на шутку озадачен.

— Как? — удивленно спрашивали нас. — Вы хотите писать об этом парне? А что он за герой?

— Ну как же! Любит свою работу, освоился в коллективе, перевыполняет нормы...

— Освоился... Да разве у нас один такой! Вы вон кого возьмите — Виктора Лащенко или Геннадия Калмыкова. На этих хлопцев с какой стороны ни посмотри — во всем преуспели. А Цыкало, говоря между нами, паренек еще с зеленцой, его самого шлифовать надо, как ту деталь. Смотрите, конечно, сами, но учтите: это рядовой рабочий.

Вот и хорошо! Рядовой рабочий паренек...

Но мы, однако, слышали об Анатолии Цыкало и другое.

— Конечно, Толя,— говорили нам в заводском комитете комсомола,— пороха не изобрел, работает на заводе без году неделя, но парень с огоньком.

Сейчас у него поворот в биографии произошел. Все у него еще впереди.

А поворот в биографии начался так. Было это год назад. Девятиклассников для производственной практики послали на Донецкий завод имени 15-летия комсомола Украины. Однажды пришел Анатолий домой и говорит матери:

— Смотрю я, как рабочие делают машины, и мне самому хочется стать рабочим, тоже делать что-нибудь своими руками. Понимаешь, мама? Своими руками! Если я попрошусь на завод, примут меня?

— Если попросить хорошенько,— сказала Софья Яковлевна,— то, пожалуй, примут. Но разве ты не собираешься заканчивать школу?

— Почему же? — возразил Анатолий.— Днем я буду работать, а вечером учиться.

Ну и задал он родителям задачу! Зачем ему бросать школу и идти на завод? Разве семье нужен его заработок? Слава богу, и она, Софья Яковлевна, получает в интернате зарплату, и муж, Иван Савельевич, сварщик доменного цеха, приносит приличную получку. Закончил бы сын среднюю школу, там, возможно, поступил бы в техникум или институт. А так станет он рабочим, начнет уставать, гляди, силенок на учение и не хватит. «Но зачем же мы сами старались приохотить его с детских лет к труду, ко всякой, даже черной работе, учили уважать простых тружеников? — спрашивала себя Софья Яковлевна.— Нет, все правильно. Просто повзрослел парень. Захотелось что-то сделать самому. Это хорошо».

Наставником Анатолия стал токарь ударник коммунистического труда Петр Данилович Водолазский. Человек он во всем рассудительный, неторопливый, ходит по цеху вразвалочку, лишнего слова не скажет, а работа у него спорится на удивление.

— Парень он подходящий. Нашенский, рабочий парень,— говорит Петр Данилович.— Подводит, помню, его ко мне мастер Николай Иваныч Сергиенко. «Вот, Петр Данилыч, еще одного тебе ученика...» Глянул на хлопца — ничего, вроде смирный, улыбается застенчиво, но... брюки у него дудочкой. Про такие брюки тогда писали, что, мол, носят их стиляги. «Ты,— спрашиваю,— серьезно решил учиться или так — потопчешься тут, время у меня возьмешь — и до свидания?» Строго спросил. Так, чтоб понял, что не в игрушки тут играют. Если, думаю, он стиляга, свистун, то такого мне даром не надо, а если парень самостоятельный, то сумеет ответить как надо. Смотрю, не оробел. «Очень,— говорит,— хочу работать». А сам на станок поглядывает.

Начал я его учить. Вижу, хлопец старательный, все берет в толк. Через три месяца дали ему про-

Мастер Н. И. Сергиенко начал свой трудовой день с того, что объяснил рабочим новое задание.

бу. Парнишка, понятное дело, волновался, спешил, но сделал все чистенько, аккуратно. Начальник цеха Андрей Ильич Яловенко написал приказ, присвоил ему разряд.

Бывает, и теперь дадут ему какую сложную работу, сейчас идет с чертежиком ко мне. «Петр Данилыч, как это сделать?» А то и сам подойдешь к нему, посмотришь, посоветуешь. Молодец! Десятый класс окончил, готовится в вечерний техникум.

После того, как нам уже многое рассказали об этом рабочем пареньке, захотелось повидать его самого.

— Вон он, видите? — сказал мастер, махнув рукой в направлении окна.

За токарным станком стоял юноша в клетчатой рубашке, с выбившимся из-под кепочки чубом.

Подошли ближе. Анатолий повернулся к нам, и мы увидели его лицо со слегка вздернутым носом, с добродушной, лучистой усмешкой.

— Ну, что тут у тебя? — спросил мастер деловито.

— Эту заканчиваю,— сказал юноша, взглянув на деталь.— Сейчас ее тетя Дуся заберет, а я возьму еще одну.— Он схватил с тумбочки гаечный ключ, гулко постучал им по краю железного корыта со стружками и помахал рукой крановщице, сидевшей в будочке высоко над станком.

— Если хочешь ставить деталь, то не мешкай,— озабоченно сказал мастер.— Скоро смене конец.

— Но разве он успеет сделать еще что-то? — спросили мы, отходя с мастером в сторонку.

— Успеет. Поставит деталь, отцентрует, и то дело. А сменщик сразу начнет обрабатывать ее.

И тут мы узнали довольно интересные подробности. До недавнего времени было так: обработает токарь три-четыре вала, видит, скоро конец смены, и начинает приводить в порядок рабочее место. Потом в ожидании сменщика потопчется минут пятнадцать вовсе без дела. Смотришь, полчаса и улетело. А за сутки таких потерь набежит часа полтора. Молодые токари Виктор Лащенко, Николай Науменко и Анатолий Цыкало — они работают на одном станке — решили не терять драгоценного времени, находить для уборки минуты во время работы, а станок сдавать на ходу. У токарей при отличном качестве изделий повысилась производительность труда, возросли заработки. Хороший почин молодежи поддержали партийная и комсомольская организации, о нем написала заводская газета.

←
— Стало быть, готовишься держать экзамен в техникум? — спрашивает своего бывшего питомца преподаватель русского языка и литературы Иван Максимович Юлин. — Ну, выкладывай, что тебе не ясно.

←
Чья возьмет? Шахматный бой сына с отцом идет с переменным успехом.

→
Соната Бетховена.

Новые сти

Пабло Неруда

Ода Земле

Земля, скажи,
кто вымерил тебя,
настроив стены и заборы
и проволоку туго натянув?
Ты разделенной родилась на свет?
Когда в тебя вонзались метеоры
и морщилось твое лицо,
меняя облик океана и земли,
кто занимался дележом твоих даров
между немногими детьми твоими?

Тебя я обвиняю.
Ты извлекла из бездны смерти
дрожь катастроф,
ты обратила в прах
деревни, города,
дома слепые бедняков Чильяна,
окраины Вальпараисо,
ты буйной кобылицей
обрушилась
на мирных жителей
моей отчизны
и в то же время
терпела лживый
дележ
твоих наследств.
Ты не вонзила
копье восставшего вулкана
в того, кто земли захватил тайком.
Ты погребла не только старцев,
проживших жизнь сполна,
но истекающего кровью беглеца,
лишенного полей и лошадей,
упавшего
на шкуру безучастную твою.

Ты зимний холод бедным отдала,
мрак шахты — людям изможденным,
пещеру — тем, кто был отвергнут всеми,
а зной — живущему в пустыне.
Твоя прохлада никому
не принесла успокоенья,
огонь твой был нечестно поделен.

Земля, подумай
над этими словами,
я ветру отдаю их — пусть летят,
пусть упадут в тебя и прорастут.
Довольно битв. Конец!
Мы не хотим платить за землю кровью —
мы так хотим тебя любить:
мать благодатная,
мать хлеба, человека —
всего на свете хлеба,
всех людей!

Луне днем

Луна на дневном небосводе,
зыбкая, как медуза,
что делаешь ты так рано?

Ты плывешь или просто танцуешь?

Это платье печальной невесты,
истрепанное ветерком,
и кисейные эти гирлянды —
от чего они: от украшений
или кораблекрушений?
Похоже, что ты до сих пор
бродишь у зáмка ночи
и возле ворот растерянно
ищешь в реке небес
ключик звездного цвета.

А день растет, и тускнеет
твой мученический венчик.
А день уже запылал,
как хижина плотника Юга.
И солнце с атомной гривой
клокочет и скачет сердито
в то время, как шлейф твой белый
по небу рыбой плывет.

Вернись же в глубокую полночь,
луна железных дорог,
луна ягуаров мрачных,
луна бессонных пивных,
вернись в салон разукрашенный
высоких текучих ночей,
гордо скользи в вышине
по мирному небу ночи.

Против города

Печальный город Сант-Яго
вытянул пыльные ноги.
Похож он на серый сыр,
а с чистого строгого неба —
на мертвого паука.

Его, как сырой кирпич,
искромсали конкистадоры.
А после — мухи и чад,
грузные экипажи,
чилийцы за чисткой картошки,
зловония Матадеро
и муниципальная скука
город мой погребли,
привели его в запустенье,
похоронили под пеплом.

Потом сыновья Чикаго
настроили бледных коробок,
и делался все печальней
бедный город зимой:
суетливые автомобили
нещадно его терзали,
а на углах шелестели
докучливые сообщенья
кровоточащих газет.

Все богачи из города
со своими фото и мебелью
сбежали подальше в горы,
где дремлют в ночи среди роз,
чтобы наутро вернуться
в центр несчастного города,
скаля хищные зубы пантер.

А бедным куда идти?
Разве что в кабаре,
в которых робко танцует
изможденная молодежь...
Вот так человек привык
прогуливаться меж лохмотьев,
как зябкий, промозглый ветер
по мерзлым стенам зимы.

В этом забитом городе
людей стережет тюрьма,
горькая, словно перец.
Своими гнилыми зубами
город она перемалывает,
обдавая брызгами крови,
до краев наполняя горем.

Бедная моя родина,
что я сделать могу?
Президенты сменяют друг друга,
и в сердце копится чад,
впадают в спячку правительства,
и город лежит, недвижим,
все что-то беззвучно шепчут
под резкими вспышками злобы.
Я вырос на скорбных улицах
с их скобяными лавками
и рынками овощными,
и если город дряхлеет,
торгует собой, окровавленный,
и умирает от пыли,
если безлистое лето,
нищая осень без золота
и бледная, как смерть, зима
город покрыли саваном,—
я страдаю, как эта улица,
и, неся на себе свои тяготы,
с горя иду танцевать.
Ибо чувствую, что однажды
отчаявшиеся пешеходы
вдруг увидят деревья и воду,
и, сняв с головы сомбреро,
постигнут весомость дождя,
и смогут осмыслить свет
и равновесие осени.

С нею

В это трудное время вот что:
проживем-ка его со вкусом.
Подожди меня, дай мне руку
маленькую свою —
будем вместе карабкаться,
мучиться и страдать.

Мы снова с тобою — пара,
живущая в диких местах,
в лохматых гнездах на скалах.
В эти долгие годы вот что:
подожди меня, не беги
со своей корзиной и скалкой,
с туфельками и бельем.

Сейчас мы нужны друг другу
не для одних гвоздик,
не только для поисков меда,—
нам руки наши нужны,
чтоб стирать, разжигать очаг,
и пусть это трудное время
попробует одолеть
две пары дружных ладоней,
две пары распахнутых глаз!

хи Пабло Неруды

Старухи у океана

Приходят к морю дерзкому старухи,
закутанные в старенькие шали,
переступая хрупкими ногами.

Садятся, одинокие, у берега.
Недвижны их ладони и глаза,
плывущие в них тучи и безмолвье.

А яростная бездна сквернословит,
ревет во все свои большие трубы
и бычьей бородой своей трясет.

И кажется, что кроткие сеньоры
на корабле воздушном вдаль плывут
и к волнам-террористкам безразличны.

Плывут, плывут они... Куда? Откуда?
Да отовсюду, с тысячи сторон!
Они пришли из нашей с вами жизни.

Отныне у старух есть океан,
прохлада, полыхающая бездна
и трепетный костер воспоминаний.

Они пришли из всех прошедших дней,
из меленьких домов благоуханных,
из сумерек спаленных. И теперь
глядят и словно не глядят на море
и на песке клюкою пишут знаки,
и волны каллиграфию их топчут.

Потом старухи на ноги встают —
на ломкие, худые, птичьи ноги,
в то время, как наглеющие волны,
нагие, дерзко пляшут на ветру.

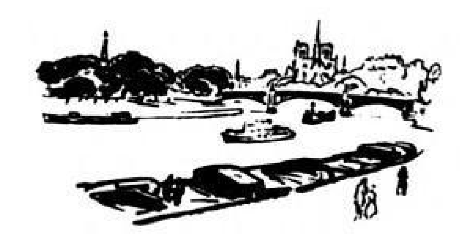
Прощай, Париж

Как прекрасна река полноводная Сена
с ее деревьями пепельными,
с башенками и шпилями!

А я — для чего я здесь?

Здесь все красиво, как в розе,
этом цветке разлохмаченном,
источающем тонкие запахи.
Это сумеречная земля,
здесь закат и рассвет похожи
на два речных корабля —
они плывут и встречаются,
безразличные, бесприветные:
с тех пор, как они познакомились
и полюбили друг друга,
тысячи лет пролетело.

Пролетело немало времени.

Сморщился камень, повсюду
соборы желтые выросли
и экстравагантные фабрики.
И сейчас голодная осень
пожирает низкое небо,
насыщаясь дымом и тучами,
и, как черный король, утверждается
на берегу туманном.

И все же в мире едва ли
есть вечера нежней.
Все вовремя улетучилось:
резкие краски и крики,—
и остался один туман,
а свет, уходя за деревья,
надевает зеленое платье.

В Чили ждет меня уйма дел,
Салйнас ждет и Лаура,
я на родине всем задолжал.
В этот час в любом из домов
ждет меня стол накрытый,
а иные меня ожидают
для того, чтобы больно ранить.
Меня ожидают на родине
деревья с листвой железистой,
которые посвящены
в несчастья мои и радости,
ждут меня крылья мои —
мои любимые воды,
океан, тяжелый, как камень,
высоченный, как эти зданья,
суровый и синий, как звезды.

А я — для чего я здесь?

Как я сюда добрался?

Ведь место мое не здесь,
а там, где люди меня
зовут освятить фундамент,
смешать песок и людей,
озвучить лопаты и землю —
потому что необходимо
делать все, что мы можем,
на земле, где мы родились:
мы должны отстроить отчизну,
песню, хлеб и веселье
и от грязи очистить Честь,
как вычищают грязь
из-под ногтей королевы.
Только тогда будут виться
над хрустальными башнями
чистые наши знамена.

Прощай, Парижская Осень,
синий речной кораблик,
прощай, любовное море,
прощайте, реки, мосты,
свежий хрустящий хлеб,
бездонные легкие вина
и друзья, меня полюбившие!
Я иду, чтобы петь над морями,
чтобы снова корнями дышать.
Я курс беру на скитанья,
живу я в открытом море,
в открытой земле,
мой город —
география всей земли,
улица — «Я пошел»,
номер дома — «Чтоб не вернуться».

Заседание «ОАГ»

Никто не попрекнет вас за незнанье
законов дипломатии — еще бы:
в науке этой столько лабиринтов,
такие непролазные чащобы!

И все же я на то, что всем известно,
хочу открыть глаза непосвященным:
насколько материк, объединяясь,
становится порою разобщенным,
как мебелью становится он — креслом,
чтоб дядя Сэм воссел на нем, польщенный.
Послы объединившиеся наши
на кресле оправляют шелк лощеный.
Для ягодиц святейших Аргентина
дает настриг с овец своих бессчетных,
пух попугаев Эквадор приносит,
а Перу — шерсть гванако золоченых,
Санто-Доминго шлет зятьев помягче,
племянников и прочих чад никчемных,
а Чили, столь отличное от прочих,
дает послу для дел его ученых
бутылку с крепким уксусом — чернила
из самых несмываемых и черных...
Вот так готовят эти кабальеро
трибуну для речей неизреченных
и борются за право быть сиденьем.
Кричит: «Я первый!» — не щадя печенок,
и крестится посланник-колумбиец,
сонет читая свежеиспеченный.
Но тут же сальвадорец с парагвайцем,
войдя в союз (не разлучит и черт их!),
отстаивают право быть сиденьем
при помощи приемов запрещенных.
И в тот тревожный миг, когда взорваться
уже готов пороховой бочонок,
влетает командир американский,
садясь на всех присутствующих чохом —
не разбираясь, кто кого достойней,
и все смолкают в стаде укрощенном.
Поспешно шеф решение диктует
и в офисы спешит, к своим расчетам.
Послы встают с паркета, чистят фраки,
и каждый вновь имеет вид лощеный.

Собранию конец, конец делам...

Сеньоры, у «ОАГ» есть недостатки,
но как же не назвать ее сплоченной?!

Перевел с испанского
Павел ГРУШКО.

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

«ОАГ» — Организация американских государств.

ВОСПИТАНИЕ ТАЛАНТА

Е. ВЕЛТИСТОВ

Норберту Винеру принадлежат иронические слова о том, что электронный мозг можно сравнить с круглым идиотом, одаренным феноменальными способностями к счету.

Читатель, знакомый с достижениями кибернетики, согласится, что эта шутка устарела. Наука об управлении сложными процессами и операциями — кибернетика — разработала за сравнительно короткий срок свои методы, воспользовавшись опытом всесильной математики, и с успехом применяет их на электронных машинах.

Основной принцип кибернетики позволяет новой науке сравнивать машину, организм, общество. Решает ли задачу школьник, управляет ли автомат сложным производственным процессом, руководит ли полководец сражением — во всех этих случаях есть общая черта: живые или искусственные системы получают и обрабатывают определенную информацию и делают целесообразный отбор, стремясь к эффективному результату.

В последнее время ученые начали обучать своих талантливых в счете электронных помощников, моделируя на машинах некоторые процессы, подобные человеческому мышлению. Здесь достигнуты определенные успехи. Но поскольку, с одной стороны, ученые имели в своем распоряжении машины с ограниченной скоростью и памятью, а с другой — идеалом для них служил человеческий мозг (по выражению Сеченова, «самая причудливая машина в мире»), вставал каверзный вопрос: потребуются ли для воспроизведения мышления, например, творчества, более сложные кибернетические устройства? Подсчеты говорили, что машина с таким числом элементов, как человеческий мозг, смогла бы разместиться только в небоскребе.

Но кибернетика дает неожиданный ответ: некоторые мыслительные процессы (в том числе творческие) в принципе возможно моделировать на универсальных электронных цифровых машинах.

Робот: — М-да... Сложная машина...

Что такое образ

Однако недаром ученые советуют всегда быть осторожными в заключениях. Возможность от реального осуществления отделяет большой и трудный путь поисков. В данном случае перед кибернетикой встают, казалось бы, непреодолимые трудности: современная наука пока не может детально и полно объяснить работу человеческого сознания, не знает, как сказал бы математик, алгоритмов мозга — правил преобразования мозгом информации.

Почему же человек, тысячелетиями изучая живую природу, так и не открыл многих загадок мышления? Сложность проблемы могут показать такие цифры: мозг человека состоит примерно из 14 миллиардов нервных клеток, каждая из них имеет в среднем 3—4 тысячи контактов. Уже эти цифры говорят о великолепной согласованности человеческого организма. «Самая причудливая машина в мире» требует совершенных методов и средств исследования. Ученые взяли на вооружение методы физиологии, математики, физики, химии. С каждым годом они все дальше проникают в тайны мышления. «Здесь потребуется огромная острота ума, — предупреждал академик И. П. Павлов, — огромные, гениальные ухищрения... дно жизни, фундамент жизни спрятан от человека еще очень далеко...»

Пока решаются эти задачи, кибернетики выбрали простой путь: обучение машины на примерах. Вспомним, сколько вопросов задают маленькие дети. Не случайно педагоги сравнивают их мозг с чистым листом бумаги, на котором запечатлеваются ответы взрослых. Миниатюрные магнитофоны, которыми воспользовались некоторые матери, помогли уточнить размер информации, получаемой ребенком: в день четырехлетний «почемучка» задает более четырехсот вопросов. Впоследствии, вырастая, он будет проверять накопленную информацию, будет корректировать ее опытом, учиться.

Итак, метод заимствован у природы. Сделаны уже первые шаги. И они привели к любопытным результатам.

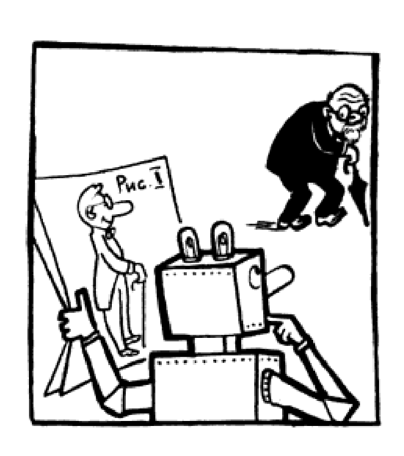
Не так давно в США построена электронная машина «Персептрон», которая различает и опознает простейшие предметы. Она состоит из воспринимающих изображение фотоэлементов, элементов памяти и решающих приборов. Путем тренировки «Персептрон» научился распознавать некоторые буквы алфавита.

В Институте кибернетики Академии наук Украины машину «Киев» обучает распознавать образы молодой ученый кандидат технических наук Владимир Ковалевский. В его лаборатории создан читающий автомат, своеобразный глаз вычислительной машины. В этом устройстве световой луч обегает лист бумаги с нарисованной буквой. Сигналы о почернении отдельных точек изображения поступают в вычислительную машину, и она обрабатывает их по специальной схеме. Говоря иначе, в машине промоделирована сложная схема, которая ведет себя подобно нервным клеткам человеческого организма.

Если машине показать несколько раз букву «а», написанную разными почерками, и сообщать ей об этом условным кодом, в ее памяти образуются признаки буквы «а», и в дальнейшем она будет узнавать все другие буквы «а». При ошибке машину наказывают: нажимают кнопку. В машине ослабляются связи, которые передали ошибочную информацию; в следующий раз она пошлет сигнал по другому, правильному пути.

Таким образом, машина «Киев» справляется с чтением машинописного шрифта, угадывая при этом непропечатанные и загрязненные буквы и цифры, умеет распознавать простейшие геометрические фигуры (например, отличает квадрат от прямоугольника), узнает 10 рукописных букв. Учителя составляют программу для 32 букв, которая повысит ее «грамотность». Заботятся они и об увеличении скорости.

Из сказанного выше не стоит рисовать себе простую и милую картину, будто учитель рисует на доске буквы и дает объяснения с указкой в руке, а машина-робот, сидя за партой, старательно запоминает урок. То, что вкратце излагается в одном-двух абзацах, требует месяцев напряженного труда: программа для машины составляется на языке математики. Правда, надо отдать должное самому ученику: на освоение материала машина тратит минуты.

— Похож? Не похож?

Еще один опыт с обучением машины был поставлен в Москве, в Институте автоматики и телемеханики.

Представьте два листа картона, разграфленные на клеточки, — так примерно выглядит сетчатка человеческого глаза. На сетке жирно нарисованы буквы «с» и «о». Рисунки довольно просто переводятся на язык машины: светлая клетка обозначается нулем, черная, на которую легла часть буквы, — единицей. Изменим на нескольких рисунках букву «с», например, постепенно удлиним ее концы. В большинстве случаев любой человек узнает измененный рисунок как букву «с». И только в редких случаях при малых искажениях получится изображение, которое относится к другому образу — букве «о». Такие изображения назвали граничными, переходными. Оказалось, что граничных изображений очень мало. Этот вывод позволил достичь интересных результатов в обучении машины.

Машине называли (разумеется, на языке чисел) 40 образцов цифры «2», нарисованной разными почерками, и сообщали ей об этом условным кодом. Затем машину знакомили со 160 другими начертаниями двойки, и она должна была назвать их. Точно так же машину обучали распознавать еще четыре цифры: «0», «1», «3», «5». В процессе тренировки машина запоминала не какие-то определенные признаки, эталоны, а только границы образов, создавая цельное представление о каждом об-

разе. Из 800 вопросов машина ответила неправильно только на четыре.

Здесь напрашивается аналогия с человеческой памятью. Разве человек хранит в памяти эталоны всех образов? По-видимому, нет. Для этого не хватило бы никаких возможностей мозга. Попробуйте описать своего хорошего знакомого. Сколько бы раз вы его ни видели, точно никогда не запомните. Но после долгой разлуки обязательно узнаете. Принцип запоминания по похожести, по характерным признакам не только не перегружает память человека, но и позволяет ему использовать свой прошлый опыт. Если бы человек абсолютно точно запоминал все виденное раньше и вновь увиденное сравнивал бы с этими эталонами, он бы, очевидно, не мог узнавать изображения, не совпадающие с эталонами.

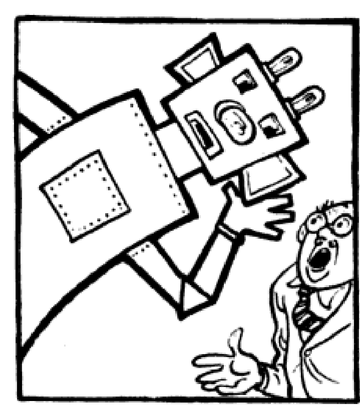
Конечно, действия машины во всех перечисленных случаях далеки еще от работы мозга, который пользуется более совершенными приемами. Но со временем ученые, вероятно, откроют некоторые загадки мозга и найдут новые пути создания электронных вычислительных машин.

Если бросить взгляд в будущее, можно увидеть общество удивительных и тонких кибернетических помощников человека: автомата—врача, металлурга. Но об этом еще рано говорить. Чтобы составить некоторое представление о способностях машин, познакомимся с другими работами.

Первые слова

Карел Чапек, с именем которого связано рождение слова «робот», не подозревал, что его железные герои займут такое прочное место в фантастической литературе. Каких только роботов не изобретали у фантастов ученые! В действительности же кибернетики на первых порах начали строить не железных людей, а довольно милые существа — электронных зверят, известных сейчас во всем мире: мышь, белку, собак, черепах, лисиц. Сколь бы скептически ни был настроен иной читатель, он согласится, что игрушки эти поучительны, ибо они, пускай даже примитивно, моделируют нервную деятельность живого организма. Познакомимся с одним из таких устройств, которое выполняет команды хозяина.

В Тбилиси, в одной из комнат Института электроники, автоматики и телемеханики, бегает по полу тележка — большая металлическая черепаха. С далеко не черепашьей поспешностью она выполняет семь команд, диктуемых в микрофон: вперед, назад, направо, налево, быстро, медленно, стоп. Нельзя сказать, что эта игрушка, достигшая уровня охотничьей собаки, как шутливо отозвался о ней один из ученых,— лишь забавное создание кибернетиков. Главное в этой лаборатории — металлический шкаф, стоящий у стены. Там заключен электронный мозг. Он управляет послушной тележкой и, кроме нее, еще печатающим телетайпом. А телетайп слушается уже двадцати команд.

— Что? Не понимаю! Говорите по слогам!

— Ноль, один, запятая, пробел,— говорю я в микрофон, и телетайп печатает на бумаге цифры, знаки, делает интервалы.

Электронный мозг, выполняя команды, сигнализирует красными лампочками, правильно ли он меня понял.

Руководитель лаборатории А. Г. Какауридзе показывает листы картона с графиками. Это видимая речь — графическая картина слов. Повторяя одно слово разными голосами и изучив результаты, ученые составили общую графическую картину слова. Схема закладывается в память машины.

— Пока машина только различает слова из того комплекса, который ей задан,— поясняет Какауридзе.— В работе над восприятием машиной речи человека есть несколько путей. Каждый имеет свои трудности. Я за то, чтобы машина воспринимала слова-команды,— это самый простой путь. Конечно, в ее память надо будет заложить чрезвычайно много шаблонов слов, но я надеюсь, что ученые и инженеры, работающие над усовершенствованием машин, раздвинут узкие пока границы памяти.

В самое ближайшее время,— продолжает Какауридзе,— мы привлечем вычислительную машину к составлению схем-шаблонов большого числа слов, и тогда наш электронный мозг преодолеет уровень охотничьей собаки, научится распознавать слова в фразах.

— Значит, можно будет диктовать машине задание?

— Да, вместо этой игрушки и телетайпа можно представить машины будущего, управляемые голосом, командами: прокатные станы на заводах, тракторы на полях, советчика мастера, автомат-диспетчер, стенографистку, библиографа...

...Ученые стремятся облегчить общение человека с машиной. Простота ввода информации в машину и вывода результатов приведет к созданию быстрых и надежных помощников. Но работы здесь еще непочатый край. Как различать фонемы? Как распознавать фразы? Как быть с окончаниями спрягаемых и склоняемых слов? Эти и еще многие вопросы мучают кибернетиков, которые атакуют проблему слуха машины.

Урок грамматики

Вам понадобились сведения о применении полупроводников в Японии. Японского языка вы не знаете, поэтому просите подобрать литературу на английском языке. Сможет ли библиограф указать вам полный материал? Вряд ли. На земном шаре в среднем каждый день рождаются два новых журнала, ежегодно библиотеки мира пополняются десятками тысяч научных и технических книг, сотнями тысяч патентов, миллионами журнальных статей.

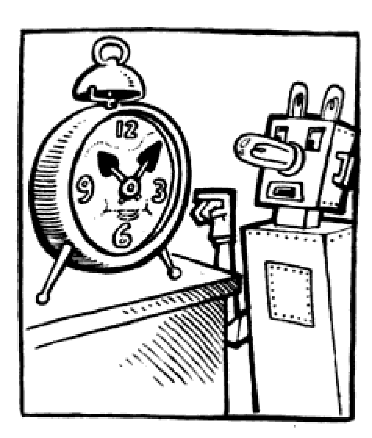
Математики десятилетиями обдумывают свои теории, тратят годы на доказательство подсобных теорем. Подсчитано, что ученый расходует 90 процентов рабочего времени на ознакомление с материалом и его изложение и лишь 3—5 процентов на творчество. Химики говорят, что подчас легче снова изобрести новое, с заданными свойствами вещество, чем искать его в литературе.

Совершенно ясно, что облегчить участь ученых могут лишь кибернетические автоматы: машина-библиограф, машина-исследователь. Чтобы создать такие автоматы, надо решить множество логических, лингвистических, математических и других задач.

Прежде всего возникает сомнение: сможет ли автомат-библиограф понять смысл данного ему задания? Киевский кибернетик Анатолий Стогний с группой товарищей попытались ответить на этот вопрос. Они дали машине «Киев» урок, как распознавать смысл предложений.

Для первого опыта учителя взяли 60 существительных, 40 глаголов, 4 предлога и выбрали определенную схему предложения: подлежащее — существительное, глагол — сказуемое, второстепенный член предложения — существительное с предлогом или без него. Составили 500 предложений и дали прочитать их машине. Чтобы она не уподобилась зубриле, предложили объединить слова в классы по связям с глаголом. Ученик оказался сообразительным и объединил подлежащие в десять классов, найдя признаки сходства в их действиях. Для людей (в предложениях были слова: «дядя», «тетя», «инженер», «моряк», «человек» и другие) машина вывела такие характеристики: они ходили, стояли, говорили, читали. Правда, в этот класс сначала попало и «радио» (оно стояло и говорило), но при уточнении машина исключила его и в конце концов нашла два главных принципа для людей — ходить, читать. Если теперь представить машине новое понятие, например, конструктора, который читает лекцию, он попадет в класс людей и на него распространятся признаки этого класса. Конечно, конкретный конструктор может не обладать всеми этими свойствами — такая ошибка допустима. Или наоборот: конструктор может обнаружить какое-то качество, не предусмотренное признаками класса. В последнем случае конструктор выделяется в особую группу, с более полной характеристикой. Возможно, в дальнейшем машина найдет нужным распространить эту новую информацию на весь круг понятий, откуда раньше был выделен конструктор.

Новая программа обучения, на тысячу слов, покажет киевским кибернетикам более глубоко способности их электронного ученика. Но уже ясна ценность первых уроков: машина способна сжимать объем информации, образуя своеобразную иерархию классов слов, при этом постоянно уточняет свои сведения, меняя границы классов.

— Ты ходишь, значит, ты человек!

Стратегия будущего

Вычислительные машины произвели любопытный подсчет: при сохранении сегодняшних методов планирования и при наших темпах роста производства в 1980 году все взрослое население страны должно заниматься управлением. Планирование и управление не поспевают за ростом экономики. Новое время требует новых методов.

Выход один: совершенствовать организацию планирования и управления на основе внедрения современной техники. Важная роль здесь отводится экономической кибернетике, которая разрабатывает новые методы математического описания экономических процессов и определения наивыгоднейших вариантов. В планировании, проектировании и управлении выбор наивыгоднейших, оптимальных решений может быть успешно осуществлен с помощью электронных цифровых машин. Получаемые при этом машинные решения оказываются весьма выгодными и приносят значительную экономию.

Всем известно, сколь сложна работа проектировщиков железных дорог. Как бы ни перебирали они варианты, учитывая рельеф, строительные расходы, удешевление эксплуатации дороги, никогда нельзя сказать, что выбран лучший проект. Поручите машине вслепую перебирать варианты — и она будет искать сотни и тысячи лет, так много возможных проектов. Киевский кибернетик кандидат физико-математических наук В. С. Михалевич и другие работники отдела экономической кибернетики совместно с сотрудниками Всесоюзного института транспортного строительства разумно направили поиск машины. Они разбили трассу будущей дороги на участки и предложили машине найти лучшие варианты, последовательно анализируя эти участки, исходя из условий местности, расположения населенных пунктов и т. д. Худшие варианты отпадают сами собой, а лучшие подвергаются теперь экономическому анализу: машина прогоняет состав по отобранным дорогам, подсчитывает строительные расходы, сравнивает эксплуатационные качества. В результате отбирается самый экономичный вариант.

Такой поиск основан на общем математическом методе последовательного анализа, разработанном в отделе экономической кибернетики. Каковы же преимущества этого метода? При проведении опытных расчетов машина отыскала оптимальный проект же-

лезной дороги за несколько минут и дала экономию средств на 10—12 процентов. А эти проценты при нашем строительстве вырастают в десятки, а возможно, и в сотни миллионов рублей, которые можно экономить ежегодно.

Еще один пример. Московский кибернетик профессор А. Я. Лернер рассказал нам об автомате, который испытывается на Магнитогорском комбинате у печи № 3. Следя за нагревом слитков для проката, машина помнит в течение двух часов триста трехзначных цифр. Они постоянно меняются: каждые две минуты надо выбросить из памяти три числа и заменить новыми. Разве человек в состоянии запомнить такую массу сведений! А машина способна выбирать и осуществлять оптимальное управление печами. Ученые ожидают, что при этом слитки будут нагреваться равномерно, колебание их температуры в момент входа на прокатный стан уменьшится по крайней мере в два раза. А это не только улучшение качества, но и увеличение количества проката: из-за равномерного прогрева слитков колебания в толщине листов сведутся к минимуму.

Подобные автоматы могут управлять и другими непрерывными производственными процессами. Химические реакторы, обжиг материалов в печах, производство чугуна в домнах и сталеварение в мартенах, даже попытки управления погодой — везде мы сталкиваемся с так называемыми распределенными в пространстве состояниями. Нет сомнения, что многие специалисты попросят еще помощи у кибернетиков, владеющих могущественным оружием оптимального управления.

Можно было бы рассказать еще об универсальных управляющих машинах размером с письменный стол, которые трудятся отнюдь не в курортных условиях: они плавят в заводских цехах сталь, управляют сваркой, проектируют корабли. Можно рассказать о рождающихся цифровых вычислительных автоматах величиной с телевизор, которые займут место на столах конструкторов, статистиков, математиков. Все это шаги большой стратегии народного хозяйства.

С использованием армии электронных машин планирование будет все больше сближаться с управлением. И не только улучшится качество планирования, но сократится аппарат работников совнархозов, госпланов и других организаций.

— Применение электронных машин через десять — двадцать лет,— говорит академик А. И. Берг,— станет таким же привычным, как сегодня (к нашему огорчению) использование старинных русских счетов.

Мыслить нешаблонно!

Обратимся еще к одному подсчету: если в будущем сохранится современный рост числа научных работников, через 100—150 лет пришлось бы занять научными исследованиями все население земного шара.

Читатель уже догадывается, какой может быть здесь выход. Подтвердим догадку примером. Несколько лет назад в Московском университете защищалась докторская работа в одной из новых областей математики. В оппоненты пригласили известного украинского математика В. М. Глушкова. Ознакомившись с работой, Глушков нашел длинный список тождеств, доказательство которых автор не счел нужным приводить. Проверить тождества было невозможно: оставалось две недели до защиты. Глушков решил доверить доказательство машине «Урал». Была составлена программа, и «Урал» проверил тождества за две минуты. Ошибок не было. Замечаний диссертанту по этой части работы не последовало.

Какие выводы можно сделать из этого и других подобных опытов?

— Я думаю,— сказал В. М. Глушков,— что можно переложить часть работы на машины. Ограниченные информационные возможности человека уже сейчас сказываются на темпах роста науки. Подумайте, сколько времени тратят ученые на то, чтобы собрать разбросанный по разным изданиям материал, чтобы продумать многие варианты и обобщить факты. На современных вычислительных машинах принципиально можно моделировать творческую деятельность. Машина не только сэкономит время ученого, но и откроет для него неизвестное прежде.

До этого разговора я много раз слышал от работников Института кибернетики: «Это идея Глушкова», «Да, забыл сказать о главном: мысль подал Глушков». А от Глушкова получил предупреждение: «Обо мне прошу упоминать поменьше».

Говорят, что скромность и даже застенчивость — черты положительные. Однако когда Глушков защищает свои позиции в научных спорах, он не стесняется с противниками. Внешне очень спокойный, смотрящий прямо в глаза спорящему сквозь стекла маленьких очков, он внутренне весь кипит, остро подмечает слабые места в идеях противника, требует доказательств и в ответ приводит свои доводы. Кажется, что он заранее продумал все возражения соперника.

Виктору Михайловичу Глушкову 38 лет. Он окончил Новочеркасский политехнический институт, а затем, в 1948 году,— Ростовский университет. Работал на Урале. С 1956 года руководит Вычислительным центром (ныне Институт кибернетики Украины). Защитил докторскую диссертацию, был избран академиком АН УССР. Несколько месяцев назад украинские ученые выбрали его своим вице-президентом.

Институт кибернетики Украины вырос из Вычислительного центра. Ему тесно в самом прямом смысле слова в большом четырехэтажном здании, ибо там работает в несколько раз больше сотрудников, чем предполагалось. Но, как это ни странно, автору понравились даже квартирные неудобства: он мог наблюдать, как в коридорах, в комнатах, плотно уставленных столами и приборами, кипела самая напряженная творческая жизнь, как подхватывали и обсуждали сотрудники новые интересные мысли, как придирчиво проверяли друг у друга расчеты и электронные схемы, как делились своими догадками с докторами и кандидатами наук. Автору особенно понравилось, что все работники института молодые, что почти не отличишь по возрасту любого из 23 кандидатов наук от аспирантов или лаборантов. Научившись уважать дорогое машинное время, они погосударственному ценят время свое и товарищей. А главное, пожалуй, в том, что все они заражены верой в бесконечные возможности науки. И у самой кибернетики и у ее работников энтузиазм и смелость молодости.

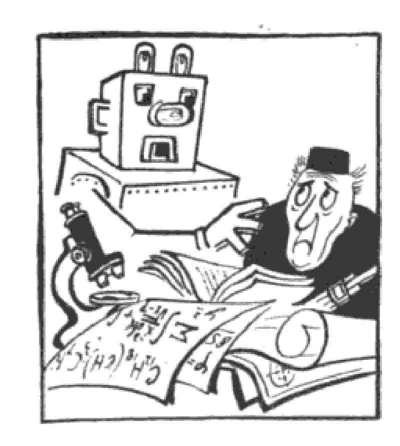
Кибернетика в нашей стране развивается нарастающими темпами. Ей нужны талантливые исследователи, подлинные мыслители, молодежь. Недаром ученые Сибирского отделения Академии наук провели Всесибирскую физико-математическую олимпиаду. Учить молодежь мыслить, мыслить самостоятельно, нешаблонно — таков их лозунг. Несомненно, что вся наша школа находится на пороге новой системы обучения, которая будет готовить научную смену.

Есть, конечно, и близорукие скептики и консерваторы, которые всегда на пути перехода к новому цепляются за старые методы. Их немного, но они мешают проникновению кибернетики в некоторые области науки и практики.

Вспоминается один эпизод из «Педагогической поэмы» А. Макаренко. Когда воспитанники Макаренко — горьковцы переезжали в запущенную Куряжскую колонию, они сразу же решили сломать здесь старые порядки, начать новую жизнь. Надо было перестроить весь уклад Куряжской колонии, взяться за работу, сеять хлеб. Среди беспризорных колонистов перед Макаренко предстали «какие-то по-особенному добродетельные» мальчики, которые называли себя «агрономами». Оказывается, бывший заведующий, разваливший колонию, уговорил четырнадцать мальчиков работать, обещав им дипломы агрономов. И те твердо верили, что они «агрономы».

Колонисты посеяли хлеб, и жатва стала для них настоящим праздником. В общей трудовой радости совершенно растворилась ученая уверенность «агрономов». «Наши будни,— пишет дальше Макаренко,— как цветами, украшались трудом и улыбкой, ясностью наших дорог, дружеским горячим словом. Так же радугами стояли над нами заботы, так же упирались в небо прожекторы нашей мечты».

Такой же путь — большого творческого труда — у молодежи, которая пришла и придет еще в кибернетику.

— Профессор, вы утомились. Пойдите погуляйте. Я за вас подумаю.

Рисунки Гр. Оганова.

Память истории

Заметки с выставки «1812 год»

Наблюдая московские пожары, Наполеон говорил: «Какое страшное зрелище! Это они сами поджигают... Какая решимость! Какие люди!» Бонапарту вспоминались прежние времена, когда бежавший из Вены австрийский император повелел городским властям исполнять все распоряжения оккупантов. Стоя на Поклонной горе в ожидании ключей от Москвы, Наполеон, наверно, вспомнил и личное письмо прусского короля, выражавшего надежду, что его императорскому величеству в Потсдамском дворце будет очень удобно...

Народ России поднялся на борьбу с захватчиками. Это решило их судьбу. Современники рассказывают, что крестьяне Тамбовской губернии радовались, когда их забирали в войска. А ведь в другое время рекрутчина была самой тяжелой повинностью. Народные ополчения, партизанские отряды, возникавшие повсеместно,— перед такой силой трудно было устоять. 1 октября 1812 года Кутузов писал в рапорте царю: «Множество пленных и час от часу ослабевающие силы неприятеля суть неоспоримые доказательства, сколь великую пользу таковые отряды производят». Особенно прославились партизанские отряды Архипа Семенова, Никиты Минченкова, Василисы Кожиной. Среди руководителей армейских соединений, посланных в тыл врага, широко известны капитан А. Сеславин, капитан А. Фигнер, подполковник Д. Давыдов, генерал-майор И. Дорохов...

Их портреты, подлинники их донесений и приказов, множество реликвий Отечественной войны 1812 года можно видеть на выставке, открытой в Москве, в Историческом музее.

Там же экспонируется и знаменитая серия картин художника Василия Васильевича Верещагина «1812».

Серия состоит из двадцати полотен. Кстати, впервые они были показаны публике также в Историческом музее почти семьдесят лет назад, в 1895 году.

Правдой сильно все творчество Верещагина. Художник показал без прикрас народ на войне, жестокость и бессмысленность завоевательных кампаний. Пожалуй, лучше всего выражает пафос деятельности художника «Апофеоз войны» — картина из туркестанской серии, изображающая погребальную пирамиду черепов. Рассказывают, как однажды в Берлине Верещагин сопровождал прусского фельдмаршала Мольтке по своей выставке и особенно громко прочитал ему надпись к картине: «Посвящается всем великим завоевателям, прошедшим, настоящим и будущим». В глазах Мольтке отразилось некоторое смущение. Он ничего не ответил и молча смотрел на картину.

Бескомпромиссный реализм Верещагина помог ему правильно увидеть роль народа в войне 1812 года.

Много интересного на выставке в Историческом музее: тут и знамена русской армии, и подлинные рукописи героев войны, и предметы быта. Экспозиция содержит десятки документов 1812 года, раскрывающих величие народного подвига.

В. ВОРОНОВ

А. Кившенко. ВОЕННЫЙ СОВЕТ В ФИЛЯХ В 1812 ГОДУ. (1882).

Государственная Третьяковская галерея.

Е. Зернова. НАДЕЖДА ДУРОВА.

«Огонек».

П. Гесс.
СРАЖЕНИЕ ПРИ БОРОДИНЕ.
Восьмая атака на Семеновские флеши. (Фрагмент).

→

П. И. Багратион.

А. Н. Сеславин.

И. С. Дорохов.

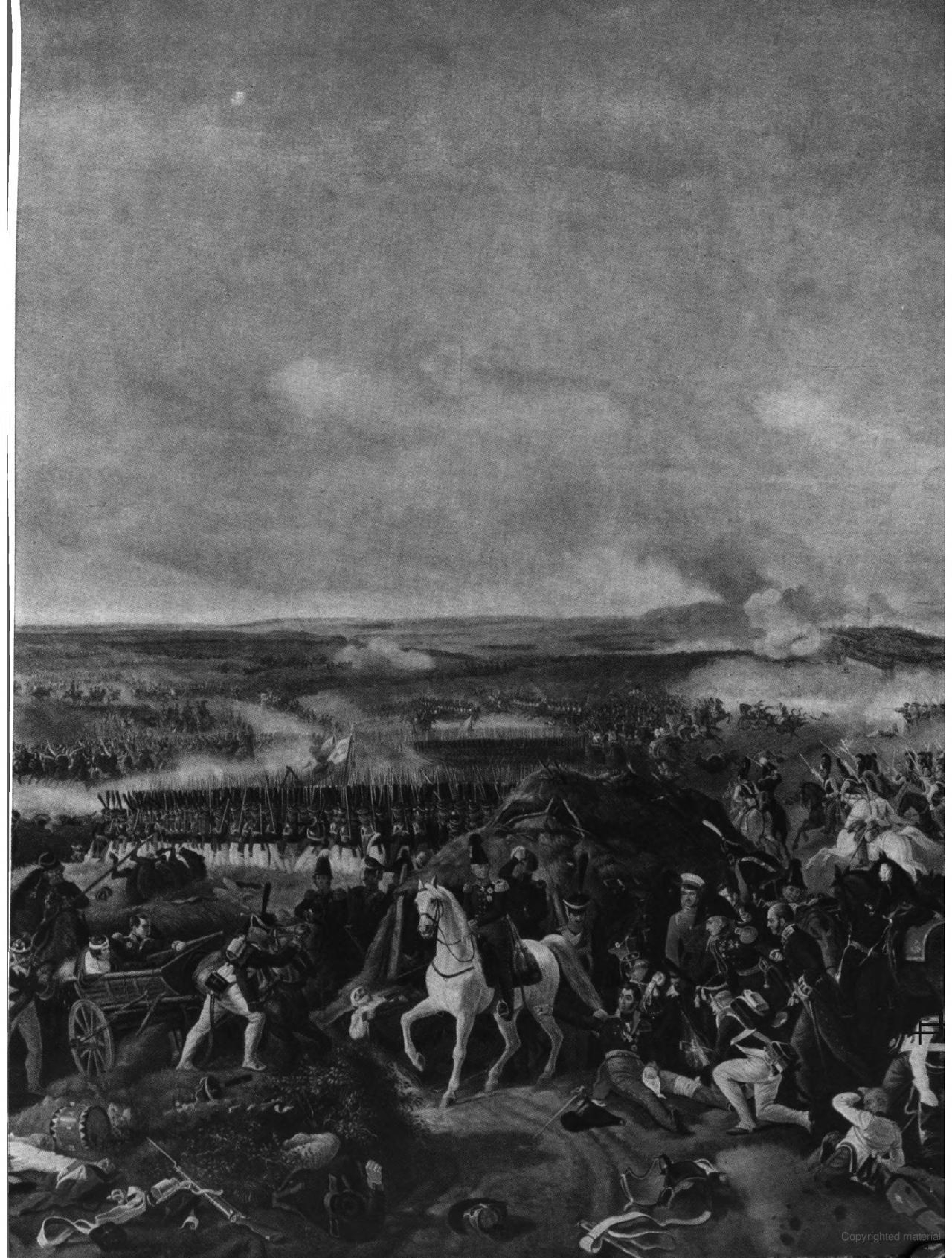

А. С. Фигнер.

В. Верещагин.
КОНЕЦ БОРОДИНСКОГО БОЯ (1899—1900).

Государственный исторический музей.

СКВОЗЬ ПОЖАР (1899—1900).

В. ВЕРЕЩАГИН.

РАССТРЕЛ МОСКВИЧЕЙ (1887—1898)

НОЧНОЙ ПРИВАЛ ВЕЛИКОЙ АРМИИ (1896—1897).

Государственный исторический музей.

С ОРУЖИЕМ В РУКАХ? — РАССТРЕЛЯТЬ! (1887—1895).

И. Прянишников. В 1812 ГОДУ. (1874). Государственная Третьяковская галерея.

←
В. Верещагин. НЕ ЗАМАЙ, ДАЙ ПОДОЙТИ! (1887—1895).
Государственный исторический музей.

В. Верещагин. НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ. ОТСТУПЛЕНИЕ, БЕГСТВО... (1887—1895). Государственный исторический музей.

В. Верещагин. В АТАКУ. (1887—1895). Государственный исторический музей.

Крылья народа

Василий Иванович Очкин — участник революционного движения с 1912 года, один из первых советских летчиков.

Корреспондент «Огонька» попросил Василия Ивановича поделиться своими воспоминаниями о встречах с В. И. Лениным, о великих днях Октября и гражданской войны.

А. БУНИШКО

Накануне

— Все как будто оставалось прежним,— так начал свой рассказ Василий Иванович,— и торжественные проспекты, и дворцы, и красавица-река с застывшими на ней кораблями. Вместе с тем Питер, в котором я не был около года, разительно изменился.

Новый вид Петрограду 1917 года придавали люди. Люди в шинелях, в кожанках, рабочих куртках заполнили улицы. Все бурлило, кипело, как полая вода, и казалось: не пасмурный сентябрь, а весна стучится в ворота города.

...Подхватив чемодан с наклейками французской таможни, Василий Иванович поспешил в Смольный. В тот же день он, выпускник французской школы военных пилотов, получил назначение в отряд Красной гвардии.

Октябрьские события захватили Василия Ивановича. Он участвовал в штурме важнейших стратегических точек Петрограда, во взятии Зимнего.

Первое задание

10 ноября В. И. Ленин пригласил в Смольный красных летчиков.

Речь пошла о том, как овладеть петроградскими аэродромами.

Главное управление авиации отказалось подчиняться Военно-революционному комитету. Владимир Ильич предложил ехать на места, созвать аэродромные комитеты, а в случае осложнений — провести общее собрание солдат-авиаторов, предложить ему выбрать новые революционные комитеты.

Владимир Ильич прошелся по комнате, произнес чуть слышно: «Крылья народа»...

Потом Ленин сказал, что революционным комитетам надо стать полными хозяевами на аэродромах. Без их согласия и без распоряжения Военно-революционного комитета ни один самолет сейчас не должен подняться в воздух.

Задание Ленина было выполнено.

Буравя непогоду на устаревших уже тогда «фарманах», первые красные летчики летали на бомбежку контрреволюционных войск Керенского и Краснова, устанавливали связь со штабами Северного фронта.

Ленин кует авиацию Советов

23 ноября 1917 года в Смольном было созвано совещание авиационных работников. На приглашение Владимира Ильича откликнулись многие летчики.

Ленин предложил создать штаб авиации. К деятельности штаба следовало привлечь выборный орган военных авиаработников — Авиационный совет.

Многие не соглашались: в Авиационном совете главенствовали эсеры и меньшевики.

Владимир Ильич сказал, что в Авиационном совете есть и прогрессивно настроенные люди, что только народная, справедливая власть может и должна привлечь их на службу новой России.

После совещания он подошел к Очкину и спросил: а как он думает, есть ли в Авиационном совете люди, которые будут служить новой России?

Есть ли? Очкину вспомнился такой случай.

...Ходынское поле в Москве. Василий Иванович, тогда молодой солдат-отпускник, помогает летчику дотащить самолет до ангара.

— Спасибо,— неожиданно сказал внезапно подошедший офицер.— Зайдите, пожалуйста, ко мне...

Это был офицер Слепнев, начальник авиационной школы.

Слепнев стал крестным отцом Очкина в авиации: устроил в летную школу, помогал скрываться от охранки. С помощью Слепнева и еще одного офицера, сочувствующего революции, капитана Голубева, Очкин уехал учиться во Францию и тем самым избежал ареста.

Слепнев—честный, бескорыстно преданный авиации человек. Такой будет служить новой России...

И Очкин, подумав, назвал Ленину трех членов Авиационного совета, в том числе, конечно, и Слепнева.

В лагере контрреволюции

В декабре по заданию партии Очкин поехал в Крым, в Евпаторию.

В то время власть в Евпатории принадлежала кадетам. Они опирались на белое офицерство, бежавшее от революционных событий из Центральной России. Около двух тысяч офицеров собралось в школе летчиков-наблюдателей. Это был мощный боевой кулак, который белогвардейцы намеревались использовать против Советской власти. Но большевистская организация находилась на легальном положении. Ее поддерживали рабочие и солдаты. И это была внушительная сила, с которой контрреволюционеры вынуждены были считаться.

В авиаотрядах, истребительной и зенитной школах в большинстве были солдаты из рабочих. Их-то и привлекал к агитационной работе Очкин.

Среди белогвардейцев прошел слух, что Василий Иванович — посланец большевистского Петрограда. Посыпались анонимки с угрозами, несколько раз в Очкина стреляли из-за угла. Он был ранен в руку. Но продолжал активно вести революционную работу.

Советская власть в Евпатории победила. Однако белое офицерство продолжало оставаться грозной силой. В горкоме партии Василию Ивановичу предложили провести митинг у офицеров-авиаторов.

— Правда, это более чем опасно,— предупредили его.

Офицеры встретили представителя большевиков настороженно. Сотни глаз впились в Очкина — любопытствующих, равнодушных, злобных. Кое-кто демонстративно расстегнул кобуру.

Очкин рассказал о тех летчиках, которые сотрудничают с Советами.

— Вы, авиаторы, боевая интеллигенция, а в прошлом такие же труженики, как и мы, солдаты из рабочих. Среди вас есть инженеры, учителя, агрономы. А Советская власть воюет только с эксплуататорами. Почему бы вам не вернуться домой, к семьям? Вы получите работу по душе. Народу нужны могучие крылья,— так сказал Ленин.

Аудитория молчала. Выходя из зала, Очкин поймал много сочувственных взглядов.

Вскоре большинство офицеров уехало в Центральную Россию.

Возвращение

Сухо защелкали выстрелы. По улицам, крутя клинками, промчались всадники.

Евпаторию 7 января 1918 года внезапно атаковали эскадроны курултая — буржуазно-националистического «правительства» Крыма.

Летчиков, не ожидавших нападения, разоружили. Началась резня. Для «восстановления порядка» из Симферополя прибыли Сейдамет — глава курултая и идейный руководитель белого «правительства», меньшевик Галопп.

Белый террор, войдя в «законные» рамки, стал еще жестче. За голову Очкина назначили крупную сумму.

Большевики ушли в подполье, ни на миг не прекращая борьбы. Добывали оружие для авиашколы, наладили связь с Севастополем — цитаделью революции в Крыму.

Из Севастополя прибыл военный корабль. Под дулами морских орудий националисты присмирели. Начались переговоры.

В те дни в Петроград, на съезд авиационных работников, направили Очкина. Горком поручил ему доложить В. И. Ленину о положении в Крыму.

В Симферополе кто-то опознал евпаторийского агитатора, и контрразведка стала прочесывать город. Пришлось скрываться в подвалах, на чердаках. Наконец с большим трудом товарищи добыли билет на поезд.

До отправки остались считанные минуты, когда с обоих концов вагона послышались шум и брань.

— Большевика ищут,— сказал сосед по купе, пожилой, рослый крестьянин и вдруг сбросил полушубок.— На-ка вот надень да полезай наверх. Там в кармане бумаги моего сына.

Едва летчик натянул поверх шинели необъятную овчину и вскарабкался на третью полку, как подошла проверка. Положение было сложное. Патрулем командовал лютый враг Очкина—штабс-капитан Михайлов из евпаторийской авиашколы.

— Военные есть? — бросил он.

— Куда там,— засуетился старик.— Старухи одни да мешки, ваше благородие.

— А это кто?

— Сынок. Хворый он...

— Документ! — Костистая рука Михайлова потянулась к верхней полке.

Рассчитывая каждое движение, Очкин повернулся вполоборота и вроде бы с трудом достал бумаги. К счастью, было темно, а стариковская овчина неузнаваемо преобразила летчика.

— Ну и образина! — зло сплюнул штабс-капитан, отдавая документы.

...В Петроград Василий Иванович попал в конце января 1918 года.

Евпаторийского делегата принял Ленин. Василий Иванович подробно рассказал ему о положении в Крыму.

Владимир Ильич поинтересовался, где Очкин остановился, как у него с пайком.

— Жилье есть, а обеспеченность — в мешке,— отшутился Очкин.— Белые еще не растащили из Крыма все сало и пшеницу.

На другой день Очкина снова пригласили к Ленину. Владимир Ильич протянул летчику телеграмму. Очкин прочел:

«Положение изменилось. Произошли решительные бои. Рабочие и моряки Севастополя разгромили националистов».

— Много лет прошло с тех пор,— закончил свой рассказ Василий Иванович.—Советский Союз стал могучей авиационной державой. И мне, старому летчику, радостно сознавать: то, о чем думал Ленин, сбылось.

ПОБЕДНОЕ ШЕСТВИЕ РЕАЛИЗМА

У наших критиков сейчас считается хорошим тоном неизменно держаться средних регистров: не слишком хвалить и не слишком порицать. Оно и выгоднее! Возобладает положительная оценка того или иного произведения — можно сослаться на отмеченные достоинства, сложится отрицательная — ты и здесь не в накладе: не были обойдены и недостатки.

Особенно процветает подобная уклончивость оценок в критике критиков, тут средний регистр почти обязателен.

Что касается меня, то я решительно отказываюсь от этих «правил хорошего критического тона», заговорив о работе Б. Сучкова «Исторические судьбы реализма», пока охватывающей два исследования: «Реальность и реализм» («Знамя» № 10 за 1960 год) и значительно превышающий первое исследование по своему объему цикл статей «История и реализм» («Знамя» №№ 2, 3, 4 и 5 за 1962 год). По моему убеждению, здесь мы имеем дело с немаловажным вкладом в науку о литературе.

Прежде чем указать на принципиально новое, что привнесла эта вдумчивая, теоретически зрелая работа, хочется отметить характерное для Б. Сучкова свободное владение обширным материалом русской и мировой литературы, присущие ему ясность, уверенность и непринужденное изящество изложения, глубокую продуманность его формулировок.

Автор оговаривает, что его работа ни в какой мере не является историей литературы. Это так, конечно; но только в том смысле, в каком примерно исследование проблемы познания (в разные исторические эпохи) не совпадает с историей философии. Но самый подход к предмету исследования, особенно в разделе, озаглавленном «История и реализм», подлинно историчен.

Работа Б. Сучкова — прежде всего боевая, полемическая работа. Она направлена против новейшей буржуазной эстетики и целого ряда зарубежных литераторов, глумящихся над реализмом и над его будто бы обветшалыми формами и «наивной верой» в познаваемость действительности, тем более социальной действительности. Этой «разрушительной тенденции» Б. Сучков, говоря его словами, противопоставляет великую реалистическую традицию, неумирающая сила которой оживает в социалистическом реализме, несущем истинное обновление искусству.

Теоретическая основа исследования достаточно ясно сформулирована автором в первом разделе работы «Реальность и реализм». Реальность, по справедливому утверждению Б. Сучкова, есть первооснова образа. «Образное мышление, являясь родовым свойством искусства, не в состоянии выйти за пределы тех представлений, которые порождаются в человеческом сознании внешним миром». Под этим углом даже искусство, сознательно стремящееся к антиреализму, не лишено черт реальности. Ведь даже абстракционисты, играющие реалистическим крошевом «аннулированной» ими действительности, вынуждены, защищая свои позиции, обращаться — против собственных убеждений — к понятию реальности, утверждать, что их полотна якобы отражают последние открытия в области физики ядра. Недостойная уловка, конечно, ибо, как замечает автор, нет ничего общего между произвольным нагромождением красок, выдаваемым за копию процессов в мире элементарных частиц, и действительностью.

Искусство с самого момента его зарождения выполняет и познавательную и эстетическую функции, «слитые воедино и не существующие врозь друг от друга»: с древнейших времен и по сей день оно стремится — на языке образного мышления — не только выразить впечатления от бытия, но и объяснить и познать само бытие. Автор показывает, как история, историческое бытие человечества, становится для искусства объектом познания и исследования. Художественный анализ социальных отношений является не только темой, но и сущностью реализма. Таков вывод исследователя, и, несмотря на кажущуюся его простоту, мне представляется это определение реализма содержательным.

Уже в работе «Реальность и реализм» автором были намечены основные этапы реалистического искусства. Но с еще большей обстоятельностью анализируются им изменения в искусстве (в тесной связи с изменениями историческими) во втором разделе исследования «История и реализм», где выясняются объективные причины, обусловившие переход от критического реализма к социалистическому.

Обаяние этого раздела работы — в характеристиках конкретных литературных явлений. Не могу не выделить хотя бы страницы, посвященные Пушкину, с их блестящим анализом «Цыган», «Бориса Годунова», «Евгения Онегина» и маленьких трагедий.

Большое место отведено автором анализу нереалистических и антиреалистических литературных направлений, подрывающих познавательные свойства образа.

Литературе ультрамодернизма Б. Сучков противопоставляет творческий подвиг А. М. Горького, кровно связанного с борьбой рабочего класса и вместе с тем выразителя великих дел и чаяний советского народа. Горький, говоря словами автора, «видел и различал в современном ему обществе все борющиеся и действующие в нем разнородные социальные силы и оценивал их борьбу в свете революционной перспективы». Новый творческий метод, фундамент которого заложил Максим Горький, метод социалистического реализма, открыл советской и мировой литературе «огромные возможности для синтетического изображения противоречий жизни и тех сложных процессов, которые идут в человеческих душах».

В какой мере воспользовалась советская литература этими возможностями? Это уже другой вопрос, и к нему, надо думать, Б. Сучков обратится в следующих разделах своего широко задуманного труда. Но и то, что уже опубликовано критиком и литературоведом, несомненно, заслуживает внимания читателей.

Николай ВИЛЬМОНТ

«Жизнь в раздумье итожу...»

Внимательно перечитываю книжку Алексея Маркова «Осенний гром», выпущенную издательством «Советская Россия», перелистываю прежние, вдумываюсь в его большие, умные поэмы о Ленине и Ломоносове.

Мы шагаем вперед с поднятой головой. Дорог нам никто не прокладывал — по целине идем. О замыслах мы не шушукаемся, а провозглашаем на всю планету: строим счастье для людей! Конечно, нам порой бывает трудно, иногда — очень, да что поделаешь, ведь мы переделываем мир.

В стихах А. Маркова — и гордость за великие дела своего народа, и душевная боль за перенесенные им лишения и горести, и гнев против тупых властолюбцев, и несокрушимая уверенность в том, что нет такой силы, которая могла бы остановить наше движение. Эти мотивы убедительно выражены в стихотворениях: «Моя земля», «Декабристы», «Современнику», «Добровольцы», «Отцы».

В книге есть раздел «Признание». Это интимная лирика. Тон ее задушевно-целомудренный, далекий от кабацкой и постельной «лирики». Любовь в стихах Маркова — большое, светлое чувство, делающее влюбленных красивыми и сильными.

В разное время публиковались сатирические миниатюры Маркова. В сборнике «Осенний гром» они составили целый раздел под названием «Комары». По художественным достоинствам раздел этот не лучший в книге. Тут есть стихи совсем слабые, например, «Вражда», «Попугай», «Заслон». Содержание мелкое, форма заурядная. Но есть миниатюры, стреляющие в цель, остро отточенные, многозначительные. Таковы «Гнилушка», «Глухарь», «Колодцы», «Жалоба», «Пчела», «Брезгливость». К сожалению, некоторые удачные сатирические миниатюры («Мухи», например) почему-то не включены в книгу.

Творчество Алексея Маркова неоднократно критиковалось, и это пошло ему на пользу. Стих его стал более чеканным, исчезло многословие. Талантливый поэт идет в гору.

Снег летит белый-белый
И звенит, как хрусталь.
Год прошел. Что я сделал?
Подсчитать не пора ль?
Может быть, я растратчик
Дней, отпущенных мне?
Может быть, не оплачен
Долг родной стороне?..

...Я гляжу на порошу,
На денек голубой,
Жизнь в раздумье итожу,
Недовольный собой.

Святое недовольство! В нем залог новых творческих успехов поэта.

Мих. ШКЕРИН

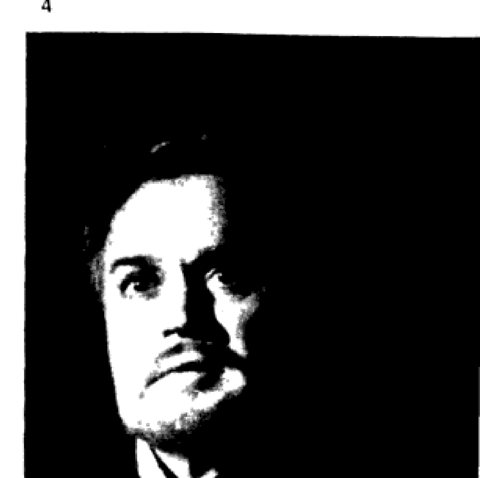

1

ПРЕ

2

3

4

Каким будет Федор Протасов в пьесе Л. Н. Толстого «Живой труп», готовящейся к постановке на сцене Театра имени Вахтангова?

И какой окажется Лиза? А Каренин? А сестра Лизы, Саша, и Каренина; цыгане — все вместе и особенно красавица Маша?..

Кто занят в новой постановке, осуществляемой Р. Н. Симоновым?

МЬЕРА

Корреспондент «Огонька» обратился со всеми этими вопросами к Р. Н. Симонову, главному режиссеру театра, народному артисту СССР, и побывал на одной из репетиций спектакля.

В главной роли Федора Протасова выступает Н. Гриценко. А Машу играют Л. Максакова и И. Бунина, всего лишь год назад окончившие театральное училище Вахтанговского театра.

Обе молодые актрисы решают образ Маши по-своему. Но каждая Маша выведена постановщиком спектакля Р. Н. Симоновым и режиссером Е. Г. Алексеевой в центр тех трагических событий, которые заканчиваются смертью Протасова. Он — жертва общества, глубоко равнодушного к людям, к их счастью.

Острое звучание спектакля вызовет большой интерес у публики.

— Когда же появится «Живой труп» на театральной афише?

— Театр приглашен в гости в Венецию. Премьера «Живого трупа» вскоре там и состоится. А осенью этим новым спектаклем откроется очередной сезон вахтанговцев,— ответил Р. Н. Симонов.

1. Лиза Протасова — Л. Целиковская.

2. Сестра Лизы, Саша,— Е. Добронравова.

3. Анна Дмитриевна Каренина в исполнении Ц. Мансуровой и князь Абрезков — И. Толчанов.

4. Маша — И. Бунина.

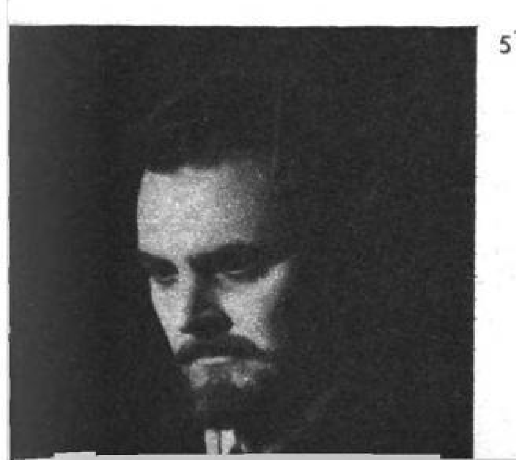
5. Протасов — Н. Гриценко и Каренин — Ю. Яковлев слушают пение цыганки Маши.

6. Маша — Л. Максакова и Федор Протасов — Н. Гриценко.

6

Фото М. ДУЛЬКИНОЙ и М. ЧЕРНОВА.

5

СОСТОИТСЯ В ВЕНЕЦИИ

Алена Проклова, недавно ставшая гимнасткой, восхищена мастерством лучших учениц.

Первые шаги на шведской стенке.

Девочка с мячом — Марина Копытова. Она болела бронхиальной астмой. После трех лет занятий

МУЗЫКА ДВИЖЕ

Т. В. ЛИСИЦИАН, старший тренер по художественной гимнастике

Снимки, которые вы видите на этих страницах, к сожалению, только частично могут раскрыть нам сущность художественной гимнастики, ее красоту и многогранность. Спорту, о котором идет речь, немного лет. До 1948 года работали лишь школы ритмики, различные художественные студии, но соревнования по художественной гимнастике не проводились. Теперь же мы имеем своих чемпионов, мастеров спорта, разрядников.

У этого прекрасного спорта имеется много поклонников всех возрастов, но особенно популярна художественная гимнастика среди девочек. В детской спортивной школе «Крылья Советов», где я преподаю, самым юным гимнасткам едва исполнилось шесть лет. Когда-то вот такими же девчушками были нынешние мастера неоднократная чемпионка страны Л. Назмутдинова, чемпионка Москвы Л. Савинкова, Т. Молчанова и многие другие.

Велико желание попасть в нашу школу. Но так как мы должны готовить гимнастов высокого спортивного мастерства, то и отбор новичков строгий. Сколько с этим связано огорчений и как жалко бывает отказать детишкам, которые тянутся к нам! Надо создавать новые группы художественной гимнастики при школах, клубах. Пусть широко будут открыты двери гимнастических залов.

Наши маленькие питомицы занимаются три раза в неделю по два часа, и надо видеть, с каким

Девочки выполняют «звездочку».

Марина совершенно поправилась. Теперь она занимается по первому юношескому разряду.

НИЙ

Фото А. БОЧИНИНА.

интересом осваивают они отдельные элементы художественной гимнастики, учатся двигаться под музыку, упражняются с мячами, лентами, обручами, скакалками. Буквально на глазах выпрямляются фигурки девочек, приобретают стройность и грациозность...

Звучит музыка в спортивном зале — идет урок художественной гимнастики.

Марина Грабовская готовится к началу урока.

Упражнение с обручем исполняет группа наших молодых мастеров. На первом плане — 16-летняя гимнастка Маргарита Шаевская, выполнившая нормы мастера спорта.

ему укол пахучей камфары, и всем этим он все больше и больше удивлял Сашу.

И удивление, и тревога, и еще какие-то догадки, которые должны были к Саше вот-вот прийти, когда он наблюдал за Арефьевым, и все-таки не приходили, были такими необычными, что среди них находила себе место и эта, тоже необычная любовь.

Она — любовь — подтверждалась еще и тем, что сначала только по воскресеньям и средам, то есть в приемные дни, а потом и каждый день к Арефьеву приходила женщина.

Женщину звали Надеждой Васильевной.

Ее собственный, а не больничный халат из молочно-белого сатина был, должно быть, сшит ею самой с короткими рукавами и с широким поясом, прикрепленным сзади двумя крупными зеленоватыми пуговицами. Эти пуговицы, наверное, очень поспешно были спороты ею с демисезонного, тоже зеленого пальто.

Халат Надежды Васильевны очень скоро стал знаком всей палате, а может быть, и всему отделению, потому что каждый день кто-нибудь из ходячих больных обязательно приоткрывал дверь в палату и сообщал: «Идет!», — а спустя некоторое время, как раз такое, в течение которого можно было пройти по коридору от лестницы до палаты очень быстрым шагом, появлялась Надежда Васильевна.

Она не была приветлива с больными, торопливо и даже как будто небрежно говорила им: «Добрый день» — и, быстрая, туго затянутая в свой халат, на котором всякий раз отражались какие-то тени и какие-то блики, проходила к Арефьеву.

ТРИДЦАТ

Сергей ЗАЛЫГИН

Ночью, около двух часов, а может быть, в самом начале третьего, в том углу палаты, где лежал Арефьев, раздался хриплый и тяжкий стон.

Арефьев стонал почти каждую ночь — то очень громко и тяжко, то совсем тихо и жалобно, почти ласково; к его стонам все привыкли, и, если стонов не было, утром больные негромко, но с недоумением спрашивали друг друга, правда ли, что Арефьев спал нынче тихо и спокойно.

Но тот стон, который разбудил палату около двух часов ночи — в начале третьего, был таким, что Саша Завьялов долго не мог понять, что же произошло, что случилось, откуда стон возник и куда он исчез.

Потом Саша понял, что это смерть, и медленно ощупал себя: не умирает ли он?

Ощущение своего теплого, сухого и слегка вздрагивающего тела ни в чем его не убедило; он осторожно повернул голову и внимательно осмотрел ту часть своей ноги, над которой была сбита простыня и на которую через приоткрытую в коридор дверь падала узкая полоска света.

На ноге видны были пальцы, и Саша пошевелил ими. Нет, умирал не он, умирал Арефьев.

С Арефьевым это должно было случиться обязательно, все об этом знали, Арефьев тоже знал, и большой, с лохматыми бровями, с глубоким шрамом на правой руке от локтя почти до самого запястья, он подолгу, серьезно и молча, день за днем, час за часом был погружен в ожидание своей смерти.

Казалось, он один был занят неотложным и значительным делом, больные же на других койках не были заняты ничем и лежали неизвестно почему.

Они как будто ничего не знали, и только Арефьев в своем углу около окна знал все, и, должно быть, поэтому возникало ощущаемое всеми чувство вины перед ним, уважения к нему, может быть, его даже любили здесь.

Во всяком случае, Саша Завьялов испытывал это странное чувство к Арефьеву — почти любовь. Саша еще никогда и никого не любил, но это ничуть не мешало ему обдумывать свое странное чувство и даже сравнивать его с чем-то другим, что ему тоже не было известно: с той любовью, о которой поются громкие песни, с той, о которой люди только шепчут, с той, о которой они всю жизнь молчат.

Его нынешнее чувство не было похоже ни на что, и, кажется, он знал почему: оно было к чему-то, что находилось уже за пределами его сознания. Он не хотел, чтобы оно было у него, это чувство, а оно все-таки было, и стесняло, и вызывало в нем любопытство к тому, что должно вот-вот произойти...

Арефьев же день за днем все еще оставался живым, говорящим: нередко он несколькими словами вмешивался в разговоры, которые вели между собой больные с утра после обхода врачей и до поздней ночи. Он каждый день обедал, слабо позвякивая ложкой о чашку с обитой кое-где эмалью, сердился, если сестра опаздывала и не вовремя делала

Ему она не говорила тоже ничего, даже короткого приветствия, садилась рядом на табурет, брала его руку в свою и так сидела долго и молча, покуда какое-нибудь незначительное слово не возникало между ними. Тогда она склонялась к нему и говорила что-то, в чем-то его убеждая.

Лицо женщины мог видеть один Арефьев, и он смотрел в него то прямо и внимательно, то поверх ее глаз и прически.

Сосед Арефьева по койке, старик Внуков, завсегдатай больницы, знал все обо всех больных, но он был еще и тонким знатоком больничного этикета, и поэтому он поворачивался на бок и засыпал либо выходил в коридор, когда в палате была Надежда Васильевна.

Другие же больные, изредка и тихо переговариваясь между собой, почему-то все с большим и большим любопытством рассматривали зеленые пуговицы на халате Надежды Васильевны.

Только Саша Завьялов со своей койки мог видеть краешек ее лица — как иногда становилась розовой щека и кончик ее чуть приплюснутого носа, как лицо ее бледнело, как медленно закрывался у нее левый глаз, когда подолгу и с каким-то жутким упрямством из-под лохматой темной брови в него глядел правый глаз Арефьева.

Женщина была немолода — лет сорока пяти, и Саше Завьялову казалось, что в эти годы она должна была уже все перечувствовать, всех — кого могла — перелюбить, а теперь около Арефьева могла только плакать. Любить она должна была только своих детей и своего мужа.

Она же не была женой Арефьева: другой мужчина был ее мужем, и не его дети были

ее детьми; какие-то слова были сказаны ею и какие-то Арефьевым, из которых палата об этом знала. И Саша Завьялов тоже знал.

Глядя из своего угла, он ждал, когда же умрет Арефьев, когда же наконец все больные в палате смогут заговорить вслух об Арефьеве и об этой женщине, чтобы решить, кто из них в чем-то прав, а в чем-то неправ, может ли женщина вот так приходить в больницу не к своему, а к чужому мужу или не может...

А все-таки иногда вдруг начинало ему казаться, будто и Арефьев и эта женщина делают что-то нарочно, чтобы удивить его, Сашу Завьялова, удивить, потом засмеяться над ним и уйти из больницы, оставив его в недоумении.

Все-таки не до конца он верил, что женщина совершенно напрасно приходит к Арефьеву, что напрасно его любит, что она не может его спасти... Если же в самом деле не может, если Арефьев в самом деле умрет, у Саши, наверное, появится какое-то отвращение к ее любви, в чем-то она его обманет. И Саша пристально смотрел на нее, на ее модные зеленые пуговицы.

Все эти мысли и сомнения были у Саши, покуда Арефьев лежал на своей койке, дышал, ел суп из эмалированной чашки и глядел в глаза Надежды Васильевны, а больные глядели на две зеленые пуговицы ее халата.

Теперь Арефьев умирал...

Замер его стон, почти тотчас распахнулась дверь в коридор, полоса света достигла Сашиного лица, ослепила его, и, зажмурившись, он еще раз понял, что он живет, а умирает Арефьев....

В палате тоже зажегся свет, как будто сама собой в дверь вкатилась коляска, узкая и длинная, словно гроб. Арефьева положили в эту коляску — кто это сделал, Саша опять не видел, а видел только вздернутые кверху брови Арефьева, потемневшие и разметавшиеся по лицу тени от этих бровей, и еще он видел то вздрагивающую быстро и неровно, то медленно и ровно вздымающуюся обнаженную грудь Арефьева.

Не заходя в палату, по коридору прошел дежурный врач отделения Петр Анисимович, поглаживая лоб под белым колпаком, а немного позже Саша увидел блестящий халат и две зеленые пуговицы на нем.

Он не один увидел их, эти пуговицы,— тотчас раздался голос старика Внукова:

— Пришла... — Старик Внуков вздохнул и сказал: — Закрой-ка, Ситкин, дверь. Потушика, Ситкин, свет.

Сначала освещенная ярким светом, а потом в темноте прошлепала босыми ногами тощая и длинная фигура Ситкина. Ситкин сказал: «Совершенно верно»,— и стало тихо, как будто все ждали еще какого-то случая или каких-то слов...

Старик Внуков сказал снова:

— Спать надобно-ть... Спать, покуда живые.

После этого, может быть, и в самом деле все заснули, а может быть, не спал никто, но все равно Саше Завьялову показалось, будто он остался в палате совершенно один.

Саша вспомнил, что один он в больнице давно,— с того первого дня, когда карета «Скорой помощи» привезла его сюда. Как только его сюда ввели, он понял, что будет здесь один, но потом как будто забыл об этой так быстро появившейся и так же быстро исчезнувшей мысли, а сейчас вспомнил ее снова и снова убедился в ней и в том, что он и в самом деле все время был один.

Теперь он был уверен, что и другие его мысли, даже мысли об Арефьеве и странные чувства к нему хотя и были, но были не у него, а у кого-то другого, и Надежду Васильевну видел и думал о ней тоже не он, а тоже кто-то другой. У него осталось только одно ощущение, будто умирал он сам, Саша Завьялов, умер же почему-то другой человек.

Это ощущение ничуть не изменилось, когда пришло утро, а за утром — день.

Больные в палате много и охотно говорили о болезнях, болезнями они отличались друг от друга. Часто им не хватало своих болезней, и тогда они ходили в соседние палаты узнавать, чем и как люди болеют там. Они подолгу и упорно обсуждали назначения врачей, а утренний обход был для них зрелищем или чем-то вроде газеты, которую они принимались перечитывать от слова до слова много раз на день.

Саша Завьялов ничего этого не понимал, ничего не знал, и если бы его спросили, чем болен старик Внуков, от чего умер Арефьев, почему здесь лежит тощий и длинный преподаватель математики из пединститута Ситкин, он не ответил бы ни на один из этих вопросов.

Он не знал ничего этого о других, потому что ничего не знал о себе.

На лекции по теоретической механике, перед самым звонком, у него закружилась голова, он потерял сознание, и его привезли в больницу, а когда смерили температуру, оказалось 37 и 8.

С тех пор каждый день в пять часов вечера температура была у него 37 и 8. Вот это он знал.

Все, что происходило потом,— скучное лежание на койке, рассказы старика Внукова, завтраки, обеды и ужины строго в одно и то же время, свидания с ребятами из сто шестьдесят третьей группы станкостроителей,— все это называлось незнакомыми для него прежде словами — клиническое обследование. У него брали анализы, его водили по кабинетам с рентгеновскими и другими аппаратами, его рассматривали врачи, подсаживалась на краешек его кровати востроглазая сестричка Катюша, глубокомысленно расспрашивали о самочувствии студенты-практиканты из медицинского института, а несколько раз являлся лысый, неопределенного возраста профессор и тоже смотрел на него через очки с двойными стеклами...

Все люди разделились на две половины: одна половина оделась в синие халаты и стала называться «больными», а другая надела халаты белые и стала больных лечить.

И все это, вся эта незнакомая для Саши Завьялова жизнь возникла перед ним только из-за того, что каждый день в пять вечера у него под мышкой термометр показывал 37 и 8.

Об этих 37 и 8 никто и ничего не знал, даже старик Внуков. Даже он.

А Саше иногда казалось, будто он сам о чем-то догадывается.

Никогда Саша Завьялов не видел прежде, как умирают люди. Раза два или три за свою семнадцатилетнюю жизнь он встречал таких людей, о которых говорили, что они безнадежно больны, но когда позже он узнавал о смерти этих людей, то никак не мог себе представить, будто между словами о том, что они должны умереть, и тем, что они действительно умерли, существует какая-то связь.

Смерть существовала, но она могла быть только неожиданной, случайной, а для того, чтобы подозревать кого-то живого в смерти, у него не хватало воображения.

И хотя тайком от самого себя Саша Завьялов ждал смерти Арефьева и даже как будто полюбил Арефьева за то, что тот не как все и обязательно умрет,— когда это случилось, пришло разочарование. Не то разочарование, которое ему случалось переживать и раньше, а совершенно другое — страшное, пустое, ничем не объяснимое, не оправданное.

Единственное чувство, для которого это разочарование оставило место, было то самое, с которым Саша проснулся в ночь смерти Арефьева; он никак не мог понять тогда, кто же умирает: Арефьев или он сам,—и это непонимание, это сомнение не только не покидало его, но становилось все сильнее и сильнее.

Чтобы избавиться от немыслимой путаницы, он должен был встать и уйти из больницы, если его не будут отпускать, убежать тайно от всех или у всех на глазах выскочить через окно.

А его по-прежнему держали здесь 37 и 8.

Тройка, семерка, восьмерка и еще запятая обрели вдруг какую-то таинственную силу, он их видел, чувствовал под мышкой, во рту в течение всего дня и во сне, хотя появлялись они только в пять часов вечера, а потом исчезали снова...

Спустя два дня после смерти Арефьева Са-

Ь СЕМЬ И ВОСЕМЬ

Рассказ

Рисунки Н. ГОРДЕЙЧИКА.

ша лежал, накрывшись простыней, и слушал, как ртутный столбик стремится к 37 и 8...

Покряхтывал старик Внуков, жалуясь на то, что уже третий день на обед дают перловую кашу и что нет разнообразия пищи, необходимого организму больного человека; преподаватель Ситкин отвечал, что это «совершенно верно», а новый больной на койке Арефьева неторопливо рассказывал историю своей болезни.

Саша никогда не слушал этих людей, никогда не замечал их, после смерти Арефьева тем более, а сейчас заметил и услышал все, что они говорят.

Наверное, потому заметил их, что боялся, как бы они не заметили его, Сашу Завьялова. Он хотел быть незамеченным.

Когда же Саша убедился, что никто на него не смотрит, он шевельнул рукой, и градусник выпал из-под мышки.

Осторожно Саша подвинулся в сторону, а подвинувшись, заглянул под простыню. Ртутный столбик был где-то между 36,5 и 37,0...

Вечером сестра Катюша, сидя на краешке Сашиной кровати, весело рассказывала, что она так и знала, знала, будто температура не сегодня-завтра будет у него нормальной. Утром врач улыбался Саше и говорил о временном явлении на нервной почве, а еще через день профессор неопределенного возраста сказал ему: «Так-так-так...»,— а студентам-практикантам, плотно обступившим его со всех сторон, профессор сказал: «Вот видите!».

Саша победил 37 и 8. Не имея на это никакого права, 37 и 8 держали его здесь, они заставили его перепутать, кто же умер, он сам или Арефьев, и теперь Саша тоже обходился с ними безо всяких прав и правил.

И, не чувствуя ни малейших сомнений или колебаний, Саша отправился позвонить по телефону в общежитие о том, что он совершенно здоров, что еще один звонок — и его друзья должны будут приехать за ним.

Телефон-автомат общего пользования был на лестничной площадке третьего этажа больничного корпуса. Когда-то телефон помещался в будке, но теперь от будки осталась только одна сторона, прилегающая к выкрашенной желтой масляной краской стене, и то не вся эта сторона, а часть ее, повыше самого телефона и желтой полосы. Ее останки сплошь были исписаны номерами телефонов — крупными и мелкими цифрами, совсем свежими и давними, забеленными известкой и снова упорно проступавшими сквозь побелку.

На лестничной площадке около телефона между больными происходил обмен мнениями по самым различным вопросам, здесь создавались репутации врачей, сюда приходил старик Внуков, хотя сам он никуда не звонил, а только держал для кого-нибудь очередь, чаще всего для Ситкина. Аккуратно в шесть тридцать вечера Ситкин сообщал домой, что он ел за обедом и какая была у него в течение дня температура, а потом вынимал из кармана небольшую книжечку и записывал в нее отметки, которые получили в школе его дочери Анечка, Верочка и Галочка. После в палате он подолгу и очень внимательно изучал эти записи.

Саша Завьялов тоже не раз уже звонил по телефону в общежитие, но ему никогда не хватало терпения, чтобы дождаться своей очереди. Хотя спешить было некуда, он, посидев минуту-другую на подоконнике или прислонившись к перилам, постояв на лестнице, уходил в читальню, или в санузел, или нарочно попадался востроглазой Катюше, и она, объяснив ему, что он больной и находится на клиническом обследовании, отправляла его в палату. Когда же Саша снова появлялся на площадке, оказывалось, что очередь его только-только прошла, и все начиналось сначала.

Только теперь, когда Саша Завьялов решил сообщить о своем выздоровлении, он впервые, не нарушая порядка и никуда не отлучаясь, дождался своей очереди.

Он позвонил другу Сашке Полякову, поделился с ним своей радостью, узнал от него кое-какие новости, а кроме того, установил, что всем, кто ждет своей очереди у телефона, очень нравится это занятие — ждать всем вместе, и, наверное, можно выбрать время, когда у телефона нет никого.

Таким временем оказался час перед обедом и другой — вечером, сразу же после того, как больным измеряют температуру.

Саша Завьялов решил, что он сообщит о своем окончательном выздоровлении и попросит друзей приехать за ним именно в этот предвечерний час. Он ждал этого часа.

Сестры, и врачи, и профессор, и студенты — все люди в белых халатах знали, что Саша уже не больной или почти не больной, но они говорили, что он обязательно должен провести с ними еще несколько дней.

И Саша «лежал», слоняясь по коридорам, и всячески избегал своей палаты, потому что чем дальше, тем труднее и труднее было ему видеть койку Арефьева в углу около самого окна, и еще потому, что, когда он ходил или стоял, он не чувствовал 37 и 8, но стоило ему лечь, как 37 и 8 подкрадывались к нему.

Наконец настал долгожданный час... Саша побежал звонить Сашке Полякову. Почему-то в этот раз ему очень не хотелось встретить кого-нибудь у телефона, но когда он прыгал по ступенькам со второго к третьему этажу, кто-то опередил его не очень торопясь и в то же время очень быстро спускаясь с четвертого на третий.

Около телефона Саша застал долгополый, нескладный халат, склонившийся над трубкой. Спиной к нему в халате нечетко проступала чья-то фигурка, а из широкого рукава торчал совсем маленький, по-детски розовый пальчик и торопливо вращал телефонный диск.

— Ах, мамочка! — сказал из халата звонкий, но вздрагивающий, почти плачущий голосок.— Ну что же это такое?! Долго это будет продолжаться?! Скажи, долго это?..

Тут голосок внезапно смолк, а когда раздался снова, был уже спокойным, не таким торопливым, и эта перемена поразила Сашу.

— Ну хорошо, неделю я еще проведу здесь, неделю я согласна...

Еще спустя некоторое время вдруг ласково и строго голосок спросил:

— А какие отметки принесла из школы Муська? Тройку? Скажи, я объявляю ей выговор. Совершенно серьезно, выговор!

Саша Завьялов немного отступил: вдруг халат обернется, и ему тоже сделает за что-нибудь выговор! Он отступил и засмеялся, потому что подумал о математике Ситкине, который каждый день тоже узнавал по телефону отметки Анечки, Верочки и Галочки... А засмеявшись, Саша удивился: оказывается, можно было смеяться и здесь, в больнице. Правда, ему тотчас снова стало как-то грустно, он вслушивался в новые и новые голоски, но узнавал в них тот, самый первый, самый тревожный, который так хотел участия: «Долго ли это будет продолжаться?! Скажи, долго это?..»

Вдруг халат обернулся. И стал от этого еще больше и еще нескладнее, но теперь из него торчали два живых глаза. Серые с синим. Очень большие.

— Звоните... Я подожду, потом позвоню еще раз.

Саша взял из крошечной ручки трубку, надавил и опустил рычаг, а услышав гудок, набрал номер.

— Кто дежурит? — спросил он, представив себе вестибюль общежития, громоздкую, зеленоватого цвета колонну и маленький столик дежурного около этой колонны.

Дежурный оказался незнакомым — наверное, кто-нибудь из старшекурсников, но и старшекурснику Саша сказал, как только мог строго:

— Вот что, друг, позови из триста шестнадцатой Сашку Полякова. Сашка Завьялов спрашивает из больницы. Как это некого послать? Ты понимаешь или не понимаешь, человек звонит из больницы?! Ну да, тоже Сашка, только Поляков. Не литейщик, а станкостроитель. Триста шестнадцатая комната, кровать направо от двери. Живо, братец!

И когда Саша Завьялов набирал номер и разговаривал с дежурным, и когда он вдруг ясно увидел зеленоватую громоздкую колонну, а рядом с ней маленький столик, он видел все это теми полузакрытыми глазами, которые с подоконника смотрели не на него, а чуть в сторону. Серые и синие, очень большие, хотя и полузакрытые...

Вокруг этих глаз сначала пробежало что-то отраженное стеклами окна, потом пошевелились слегка вьющиеся волосы — коричневые и немного рыжеватые, промелькнула улыбка, и вдруг все стало вокруг них: и эта улыбка, и подоконник, и оконная рама, и лестница с облупленными перилами, и он сам, Саша Завьялов. Все вокруг этих глаз, а они — в самом центре всего.

— Ехать за тобой? — кричал Сашка Поляков.— Одна нога здесь, другая... Значит, окончательно?!

Он кричал басом, Поляков, и, когда Саша Завьялов услышал бас, он ответил:

— Выписываюсь! — Он крикнул это громко и с каким-то отчаянием. Крикнул еще раз: «Да! Выписываюсь!» — и ему показалось, что будто теперь он жалобно простонал эти два слова, потому что с каким-то упреком, с каким-то невысказанным вопросом на него глядела с подоконника маленькая девушка, завернутая в большой халат...

Что-то случилось с Сашей Завьяловым, что-то произошло.

Уже давно с ним не случалось ничего и даже ничего не могло случиться с тех пор, как ночью кто-то умер, не то он сам, не то Арефьев.

И вдруг случилось что-то, о чем ему мог сказать ясный, отчетливый и все-таки непостижимо-загадочный голосок, который он слушал минуту назад, еще не подозревая, что слышит слова о себе, о Саше Завьялове.

— Нет, не выписываюсь! — вдруг сказал Саша Завьялов Саше Полякову.— Ни сегодня, ни завтра! Не раньше чем через неделю. Что такое? Непонятно? Так я позвоню тебе завтра точно в это же время! В пять пятнадцать! Понятно? В пять пятнадцать завтра!

Над одним из двух глаз, внимательно смотревших на него, над приподнятой бровью появилось вдруг родимое пятнышко, круглое, с несколькими светлыми волосками, и Саша увидел все то, что он недавно только слышал: и тревогу, и строгость, и ласку, и еще, и еще что-то. Когда все это ему слышалось, он до предела напрягал свой слух, но теперь, когда он все это видел, он не успевал смотреть, смотреть и узнавать...

В трубке еще гудел бас Полякова, когда Саша Завьялов протянул ее навстречу этому взгляду.

— Звоните теперь вы...

Халатик запахнулся плотнее, наверное, вдвое, и стал вдруг тоненьким-тоненьким, и тогда над серым воротником появилась тоже очень тоненькая, с двумя выпуклыми жилками шея и чуть прозрачное лицо с большими, уже знакомыми доверчивыми глазами...

Под их взглядом Саша опускался с третьего этажа на второй.

В коридоре он разыскал Катюшу и сказал, чтобы она скорее дала ему термометр, а лежа в кровати, вдруг вспомнил Надежду Васильевну.

До сих пор он видел Надежду Васильевну как будто по частям: отдельно ее левую щеку и самый кончик приплюснутого носа, отдельно прическу, отдельно две зеленые пуговицы.

Вспомнив ее всю, немолодую, неласковую, затянутую в белый сатин, он вдруг застыдился не ее, а себя — своей неприязни к женщине, к тому, как она приходила в палату, как держала в своей руке руку Арефьева, как склонялась над ним, обещая все и не исполняя ничего.

Но это чувство стыда было недолгим и как будто прошлым, а сейчас Саша Завьялов с ужасом подумал: вдруг у него и в самом деле нет 37 и 8? Вдруг он наказан, и вот их больше нет у него!

Но они были, и Саша громко крикнул Катюше:

— Запиши сейчас же: тридцать семь и восемь!

Ночь была полна тревог и ожиданий, день тоже.

Снова приходили врачи, снова профессор неопределенного возраста объяснял что-то студентам и спрашивал у них: «Вот видите?»

Саша Завьялов ждал пяти часов вечера и пяти с четвертью.

В пять часов он смерил температуру — 37 и 8!

В пять с четвертью он поднимался со второго этажа на третий.

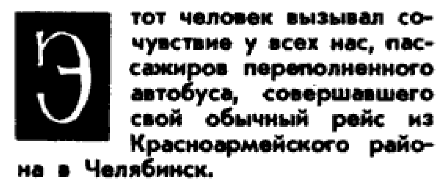
Она ждала его там, глядела на него глазами, вокруг которых было все...

Все и он сам.

Телеателье и телестрадальцы

А. ГРИГОРЬЕВ

Встреча в автобусе

Этот человек вызывал сочувствие у всех нас, пассажиров переполненного автобуса, совершавшего свой обычный рейс из Красноармейского района в Челябинск.

— Осторожно! — нервно выкрикивал он, если кто-либо, продвигаясь к выходу, невзначай касался его драгоценного груза.

Большой ящик, аккуратно завернутый в одеяло и накрепко перевязанный веревкой, занимал почти весь проход.

— Телевизор?

— Угу... «Енисей»...

— Купил?

— Не-ет... Везу ремонтировать...

— Ясно! — понимающе протянул собеседник.

Однако мне совсем было не ясно, почему из районного центра Миасское надо везти телевизор на ремонт за сорок километров, в Челябинск.

— Разве в райцентре нет своей мастерской?

— Есть, да она другого ведомства, гарантийного ремонта не делают. Да и ремонтировать им нечем. Почти всех в город посылают...

— А много у вас в районе телевизоров?

— Есть колхозы, где, пожалуй, на каждой крыше антенна, а всего штук пятьсот будет.

Вспомнил я эту встречу, когда побывал в городском комбинате бытового обслуживания. Развернул он немалую сеть пунктов по ремонту радиотелевизионной аппаратуры. Но все вместе за месяц они не отремонтировали и трех десятков приемников. Уже длительное время никто не снабжает их нужными деталями.

Припомнилась эта встреча вторично в центральном телевизионном ателье Челябинска. В приемной толпились десятки людей. Среди них далеко не все были местными жителями. Телевизоры, как выяснилось, привозят сюда на ремонт из районов области за десятки километров.

Когда не радует перевыполнение плана...

Оказывается, бывают случаи, когда систематическое перевыполнение плана не только не радует, но даже наводит на грустные размышления. Я читаю аккуратно перепечатанный на машинке квартальный отчет о работе центрального телевизионного ателье города Челябинска и слушаю комментарии его главного инженера А. Е. Клюшина. За первые три месяца этого года произведено 17 899 починок. План ателье в денежном выражении составлял 58 тысяч рублей, а сделано на сумму 102 тысячи. Оттенок гордости звучал в словах главного инженера, когда он перевел эти данные на язык процентов.

— 176 процентов к плану.

Но стоит ли гордиться этими цифрами? Тов. Клюшин считает, что стоит.

— Ведь это основной показатель нашей работы!

Почти восемнадцать тысяч починок на сорок две тысячи имеющихся в городе телевизоров.

Нет, эти цифры совсем не вызывают радости.

Блеснули значительным перевыполнением плана по валу и в областном управлении связи.

Но вот передо мной разбухшая до пределов папка. В ней сотни страниц. И с каждой звучит крик души телестрадальца. Это письма, пересланные в областное управление связи редакциями газет и журналов. Характерно, что подавляющее большинство писем из районов области — городов и рабочих поселков, колхозов и совхозов. Здесь за последние годы зажглось более тридцати тысяч экранов. Открыто четырнадцать телевизионных ателье и мастерских.

А толку?..

Миасс — известный в стране промышленный город, крупный центр автомобильной промышленности. Заводы его оснащены по последнему слову техники. Умеют делать тут уникальные вещи. Но попробуйте отремонтировать в этом городе телевизор, и вы испортите себе настроение на многие дни и даже месяцы. Так случилось с рабочим автозавода Н. Ф. Пановым. Приехал он в телевизионную мастерскую, сообщил о своей беде.

— Что ж, привозите — посмотрим.

Через несколько дней привез он свой приемник.

— И вы думаете, приняли в ремонт? — спрашивает Панов.— Нет, не приняли. И не потому, что были загружены мастера. В мастерской просто не оказалось места. Негде было поставить мой телевизор. Все помещение этого так называемого ателье — комнатка в 12 метров. Один стеллаж на десяток телевизоров. Остальные тесно составлены на полу. Чтобы пробраться к ним, надо, пожалуй, обладать ловкостью акробата...

Увез свой телевизор, так сказать, не солоно хлебавши, тов. Панов. Увезли свои потухшие экраны многие другие. И совсем не радовали их успокаивающие напутствия:

— Наведывайтесь! Как освободится место, сразу же привозите, исправим...

Кто же готовит кадры!

«Привозите — исправим»... Как часто можно услышать эти слова от сотрудников телемастерских в иных районах области! Почему, собственно говоря, «привозите»? В центральном челябинском ателье мы познакомились с любопытными данными. Более девяноста процентов всех починок сделано на квартирах и только около десяти — в стационаре, то есть непосредственно в ателье. А вот во многих районах области нередко даже для пустячного ремонта приходится в мастерскую везти телевизор. А ведь доставить его, особенно на селе,— дело нелегкое.

— Вызовы не одобряем. Вы спрашиваете, почему? — Радиомеханик телевизионной мастерской Увельского района В. В. Сабуров даже разволновался: — Вот посудите сами: район разбросан, а нас двое — я и помощник, ученик... До Красногорского, например, тридцать километров. Поехал туда, потерял день, а работа стоит... Ведь и так по месяцу ремонтируем. Стыдно бывает клиентам в глаза смотреть. Вот если бы нам людей добавить!..

Люди, кадры — в них немаловажная причина многочисленных жалоб. Как же заботятся тут о подготовке квалифицированных мастеров-радиотехников?

Начальник дирекции областной ретрансляционной сети Н. А. Кваша ответил на этот вопрос кратко, но выразительно:

— С кадрами неважно, весьма неважно... Город в основном обеспечен, а районы...— И он сокрушенно покачал головой.

А затем мы услышали две цифры — «сорок» и «восемь». Первая — это минимальная годовая потребность области в кадрах радиомехаников. А вторая—среднее количество этих специалистов, что получают и будут получать челябинцы из Свердловского технического училища. Недобор пытаются здесь компенсировать краткосрочными курсами, методом ученичества... Но это, как говорят, не лучший выход. Практика показывает, что именно такие скороспелые кадры приносят впоследствии немало хлопот владельцам приемников.

Сложность и разнообразие типов современной телевизионной аппаратуры требуют прочных и глубоких знаний, серьезной подготовки. А Свердловское техническое училище № 2, готовящее кадры специалистов для одиннадцати областей Урала и Сибири, выпускает ежегодно всего около пятидесяти радиотехников.

Давно уже пора создать двухгодичные школы специалистов телевизионного дела в крупных областных центрах. В Челябинске для этого имеются все возможности.

Инструкция и жизнь

Этот бурный диалог происходил в одном из городских ателье. Пожилой человек, потрясая паспортом телевизора, раздельно, чуть ли не по слогам зачитывал:

— «Доставка телевизоров в стационарные мастерские и обратно к владельцу в период гарантийного ремонта проводится силами и средствами ателье...»

— Но поймите, гражданин, нам для этого транспорт не выделен.

— Так вы же грубо нарушаете инструкцию!

— Но разве мы виноваты?

— Нет, это все же безобразие!..

Спор продолжался долго, на высоких нотах, и недоговорившиеся стороны разошлись.

Есть инструкция — и есть жизнь. И очень плохо, когда приказы и инструкции Министерства связи РСФСР расходятся с практикой. Ведь уж много лет существует инструкция о доставке телеприемников средствами ателье. И столько же лет она не выполняется — не выделен нужный для этого транспорт. Существуют тщательно разработанные контрольные сроки исполнения ремонтных заявок (сутки на линии и пять дней в стационаре), но даже в лучшем ателье города в первом квартале только двадцать процентов заявок выполнены в контрольные сроки. А по остальным — не хватило запасных деталей. Министерство рекомендует ателье: «Предлагайте на время ремонта вместо поврежденного телевизора исправный». Но ни в одном ателье нет для этого приемников...

В феврале министерство издало очередной приказ № 62 об итогах 1961 года и задачах на 1962 год. В нем перечислены недостатки в работе многих телевизионных ателье. Положение в Челябинской области, видимо, не редкое исключение. Но ведь от этого здешним телестрадальцам не легче. К сожалению, министерство пока только фиксирует недостатки. А дальше?..

Г. ФРОЛОВ

Встречи на дву

«Тогда пеняй на себя...»

Допрос шел на русском языке.

Вел его колонел Бэдэрэу, которого в сигуранце считали хорошим знатоком России. Еще в молодости он служил в Петербурге в гвардейском кавалерийском полку, а позднее — в Добровольческой армии генерала Деникина. В конце гражданской войны волей судеб Бэдэрэу оказался за Днестром, и вот уже более двадцати лет верой и правдой он служил часто сменявшим друг друга правителям «Великой Румынии».

Устало откинувшись на спинку кресла, Бэдэрэу с нескрываемым интересом разглядывал стоявшую перед ним девушку, почти девочку. Сколько раз за последние годы, допрашивая советских разведчиков, он ловил себя на мысли, что завидует их мужеству, душевной чистоте и вере в справедливость своего дела! И хотя сослуживцы считали колонела хорошим психологом, опытным разведчиком, он никак не мог понять, в чем же источник мужества вот хотя бы этой девушки — Тамары Аксеновой. Она радистка. Захвачена в Аккермане с рацией и другим разведывательным снаряжением. И все же упорствует, хотя хорошо знает, что дни ее сочтены.

— Ты, Аксенова, напрасно упрямишься,— с трудом подбирая русские слова, говорит Бэдэрэу.— Не согласишься работать с нами, завтра же расстреляют. А мне очень хочется спасти тебе жизнь. Ведь ты еще так молода...

Бэдэрэу считал себя гуманистом и втайне гордился этим. Ведь не так-то легко быть гуманистом в его положении.

— Поверь, у тебя нет другого выхода,— продолжал он.— Я советую все хорошенько взвесить. Нам нужна радистка на одно задание. Только на одно. И у тебя будет все: свобода, деньги. Сможешь уехать куда захочешь. Например, в Швейцарию. И поверь мне, будешь счастлива. А если не согласишься, то, как говорят, русские, пеняй на себя...

Ночь. Тишина.

Лишь изредка в это позднее время из конца в конец длинного коридора, гремя подковами, за дверью медленно пройдет надзиратель. А перед рассветом по этому же коридору жандармы уведут на смертный двор очередную партию обреченных.

Тамаре не спится. В такие минуты не хочется думать о будущем, оно — смертный двор. Хочется вспоминать.

...Бессарабия. Летнее утро 1940 года. Тогда в ее родное село Петропавловку вошли советские войска. Тамара стояла у плетня и, радостно улыбаясь, протягивала проходившим и проезжавшим мимо нее красноармейцам цветы.

Осенью Тамара пошла в школу, в ту самую школу, в которой ей не пришлось учиться с тех пор, как на рассвете ее отца увели жандармы. Трудно было жить без отца. Всей семьей работали у попа с рассвета и до позднего вечера. Особенно тяжело было к концу дня: ломило спину, болели растрескавшиеся на жаре руки.

Теперь отец Тамары работал в сельском Совете, а она училась в 8-м классе.

Сколько нового, удивительного вошло в ее жизнь! Уж очень хотелось как можно больше узнать о своей великой Родине, которая пришла к ней из-за Днестра.

И вдруг — война...

Тамара уехала с родителями на восток.

Аксеновы остановились в Мечетинском районе, Ростовской области. Жили и работали в колхозе. А в сентябре 1943 года Тамара добровольно ушла в армию.

...Шаги по коридору. Быть может, сейчас ее поведут на смертный двор... Нет. На этот раз мимо. Но он сказал: «Тогда пеняй на себя». Скоро, очень скоро будет это «тогда».

...В папке, где хранятся документы о Тамаре Аксеновой и Жене Зенченко, немало страниц.

Вот несколько отрывков из документов, которые рассказывают о судьбе разведчиц.

«При допросе перебежчика, прибывшего из Аккерманского уезда 2 августа, известно, что в сигуранце содержались две девушки-разведчицы. Одной из них 19—20 лет, другой — 24—25. 21 июля они были направлены в Сарату для предания военно-полевому суду...»

И далее:

«Есть основание предположить, что Евгения Зенченко и Тамара Аксенова при поисках пути перехода фронта были задержаны и, следовательно, расстреляны противником».

Но вот совсем неожиданная находка — коротенькое письмо, на которое вначале я не обратил внимания. Привожу его полностью:

«Секретарю ЦК ЛКСМ Молдавии. При этом направляю для вручения комсомольский билет № 14782014 Аксеновой Тамары Тихоновны, проживающей в г. Кишиневе (улица Щусева, 109, Сельхозинститут), которая считалась погибшей».

Подруги

Из села Александровки, Одесской области, в Министерство обороны пришло письмо. Учительница Тамара Тихоновна Райлян просила немногое: выслать ей справку о том, что в годы Великой Отечественной войны она служила в армии. Справка нужна была для установления трудового стажа...

В этом же письме она подробно рассказала о работе в тылу немецко-фашистских войск двух советских девушек-разведчиц.

Читатель, очевидно, уже догадывается, что Тамара Тихоновна Райлян и Тамара Аксенова — одно и то же лицо.

...18 сентября 1943 года было обычным днем в жизни Мечетинского истребительного батальона. Шли военные занятия. Тамара Аксенова в этот день дежурила по батальону. Уже во второй половине дня она увидела, как к комбату прошел неизвестный офицер.

А через полчаса Тамару вызвали к командиру батальона. Там был и неизвестный майор. Разговор шел обычный—о комсомольских делах. Тамара была комсоргом батальона. Когда она уже собралась уходить, майор подошел к ней.

— Вы, Аксенова, родились в Бессарабии? — спросил он и, получив утвердительный ответ, попросил ее рассказать подробнее о себе. Слушал внимательно, не перебивая.

— А вы бы хотели помочь скорее освободить Бессарабию от фашистов? — спросил он, когда Тамара закончила свой рассказ.

— Конечно, товарищ майор! — взволнованно ответила девушка.— Возьмите меня к себе в разведку!

— А ты откуда знаешь, что я из разведки?

— Разведка, товарищ майор,— улыбаясь, ответила Тамара.

Комбат и майор рассмеялись.

А спустя несколько минут они говорили о будущей работе. Здесь же Тамара познакомилась с девушкой, с которой предстояло учиться, а потом и работать вместе в тылу врага. Женя Зенченко — так звали новую подругу — старше ее на четыре года. Как и Тамара, родилась и выросла в Бессарабии. Комсомолка. Пошла в разведку. Она будет командиром. Тамара — радисткой.

...Шли последние дни подготовки. Девушки уже знали, что их пошлют в Аккерман (ныне Белгород-Днестровский, Одесской области). Перед войной Женя училась в Аккермане, а у Тамары там жили родственники. С их помощью нужно было устроиться в городе, прописаться, найти работу.

...В распахнутую дверь врывается холодный ветер. Зажмурившись, первой шагнула в нее Женя и сразу же за ней Тамара...

Земля быстро приближалась. Тамаре казалось, что она отчетливо слышит ее неясный нарастающий гул. И столько в этом гуле было тревожного, неведомого! Приземлилась неудачно: ушибла ногу. Попыталась встать, но запуталась в стропах парашюта и упала. Подбежала Женя.

— Что с тобой?

— Не беспокойся. Сейчас встану.

Женя помогла ей отстегнуть парашют, закопала его.

— Идти можешь? Надо уходить. Скоро рассвет.

— Могу. Нужно найти грузовой парашют. Там запасные батареи к рации.

Поиски оказались напрасными. Парашюта с грузом не нашли, хотя искали до самого рассвета.

Уже поднялось солнце, когда разведчицы, спрятав в лесу рацию, питание к ней, лишние вещи, двинулись в путь. Теперь это были девушки-молдаванки, направлявшиеся в Аккерман на базар.

В Мологу, пригород Аккермана, пришли, когда уже начало смеркаться. Решили до утра остаться здесь. Не идти же в город на ночь глядя.

Ночевали у одной бедной молдаванки. Утром девушек ждала первая неожиданность.

— Марица,— позвала Женя дочь хозяйки, девочку лет десяти,— сходи к соседям и купи нам яблок. Вот тебе деньги.

Девочка выбежала из дому, но тут же вернулась.

— Тетя,— сказала она, протягивая Жене бумажку,— а эти деньги сейчас не ходят. Нужны новые, с королем Михаем.

— Покажи.— Женя взяла в руки еще в дороге старательно помятую купюру.— Правда, старые! Смотри, Тамара.

— Сейчас только новые леи ходят,— доверительно сообщила девочка.— Даже немецкие марки в магазинах не берут...

— Да... Положение у нас с тобой неважное,— задумчиво проговорила Женя, когда подруги вышли на дорогу.— Груза не нашли, считай, что и денег нет.

— Ничего, как-нибудь выкрутимся.

Женя Зенченко в годы войны.

Рация пока молчит

Акулина Попенко, или просто тетя Киля, обрадовалась племяннице. Хозяйство большое, а тут две молодые дивчины. Пусть живут, даром хлеб есть не будут.

Спустя два дня Тамара как-то сказала:

— А у нас, тетя, в Каргасанах вещи остались.

— Вещи? Почему же вы сразу не сказали?

— Да все некогда было.

— И много вещей-то?

— Не очень.

— Сходите, милые, обязательно. А то, чего доброго, пропадут вещи.

На следующее утро подруги отправились в путь. К вечеру были на месте. В небольшой рощице дождались ночи.

И вот наконец рация и питание к ней в большом домотканом мешке. Несли его по очереди.

На рассвете, усталые, измученные, они пришли в Мологу. Здесь наняли подводу, на которой и добрались до города.

Тети Кили дома не было. Тамара отнесла мешок на чердак и спрятала там в углу, забросав хламом.

— А где же ваши вещи?—спросила хозяйка, вернувшись с базара.

— Нет вещей, тетя,— чуть не плача, проговорила Тамара.— Женщина, у которой мы их оставили, уехала, и мы ничего не нашли.

— Вот досада-то! — посочувствовала тетя.— А много ли вещей было?

— Да нет, не очень. Но там было мое новое платье. Такое красивое!

Как только она ушла, Тамара забралась на чердак и, растянув антенну, стала настраивать рацию. Через полчаса спустилась вниз.

— У меня все готово! Давай скорее подготовим радиограмму. Ведь это наша первая!

Первая радиограмма... С каким нетерпением ее ждут там, за линией фронта! Майор Лебедев, очевидно, не дает покоя ребятам из армейского радиоузла. Ждут вестей и в штабе, где у больших карт и днем и ночью идет напряженная работа. Может быть, там еще ничего не знают о том, что происходит здесь, в Аккермане. Но скоро их короткие «точка — тире — точка» принесут первые вести и молчавшая до сих пор карта покроется кружками, стрелками, линиями, заговорит на своем, военном языке. А потом в воздух поднимутся самолеты, выйдут из укрытий танки и самоходки, по всей линии фронта загрохочут раскаты орудийных залпов...

Радиограмма была уже почти готова, но неожиданно вернулась тетка. Так и не удалось в этот день послать весточку своим... И на следующий день не удалось: мешал дядя Федор. Весь день он что-то мастерил, ходил по двору и даже поднимался на чердак. Хорошо, что Тамара успела свернуть антенну и спрятать рацию.

Так повторялось несколько раз. Нужно было скорее связаться с нашими. Они ждут, а рация пока молчит. И девушки решили рассказать обо всем тете Киле, заручиться ее помощью.

Когда та вернулась домой, Тамара издалека повела разговор о приближении Советской Армии.

Молча слушая племянницу, тетя хлопотала по хозяйству.

— А вот вы, тетя, хотели бы помочь Советской Армии?

— Помочь? Чем? Это, дочка, не наше, бабье, дело.

— Нет, можете! Вот мы, например — Тамара на мгновение запнулась, но потом, решившись, продолжала: — Мы разведчицы...

— Разведчицы? У меня в доме?! — Тетя Киля плюхнулась на табуретку и с ужасом уставилась на племянницу.— Да вы что, с ума сошли? Хотите, чтобы нас всех повесили? Сейчас же уходите из моего дома! Слышите?

Девушки молчали. Что теперь делать? Куда идти?

— Тамарочка,— плакала хозяйка,— Христа ради, уходи. Забирай свои вещи и уходи.

— Хорошо, мы уйдем,— брезгливо глядя на тетку, сказала Тамара.— Как только найдем другую квартиру, сразу же уйдем. Слышите? Да успокойтесь вы!..

— Деточки, уходите... Ради бога, уходите...

Свет не без добрых людей...

Два дня ушло на поиски новой квартиры. Наконец устроились за городом, в селе Турлаки. Хозяйке дома Татьяне Студентовой шел уже пятый десяток. Во всем облике тети Тани, как стали называть ее девушки, было что-то располагающее к доверию, и они вскоре решили рассказать ей о своей работе. Теперь они понимали, что одним им не справиться. Выслушав девушек, тетя Таня на мгновение задумалась, а потом решительно сказала:

Тамара Аксенова-Райлян с сыном.

— Хорошо, дочки, работайте. Мы вам поможем. Надо помочь.

Утром Андрей, ее старший сын, высокий темноволосый юноша, запряг лошадь, положил на телегу мешок зерна, большую плетенку луку, и тетя Таня вместе с Тамарой отправились в город на базар. К вечеру двинулись обратно. На телеге под новым корытом лежала радиостанция.

Все шло хорошо, но у выезда из города к ним привязался жандарм, стоявший на посту. Хотел проверить, что везут. Но тетя Таня, не останавливая лошадь, громко рассмеялась:

— Что, парень, дочка моя понравилась? Так бы и сказал.

И, уже проезжая мимо смутившегося жандарма, добавила, лукаво улыбаясь:

— Не робей, хлопче! Приходи в Турлаки на пасху. Гостем будешь.

...И вот уже все готово. Тамара включила радиостанцию. В эфир полетели ее позывные. Вскоре была передана и первая радиограмма: «Приземлились в районе Каргасан. Грузовой парашют не нашли. Находимся в Турлаках, ждем указаний».

Теперь уже каждый день на чердаке небольшого дома работала радиостанция. К ней чутко прислушивались на Большой земле. И это понятно, так как городу Аккерману отводилась важная роль в планах немецко-фашистского командования. Через Днестровский лиман, у Бугаза и Овидиополя, шли на Одессу линии коммуникаций. В порту было много кораблей, вдоль лимана и по высокому правому берегу Днестра строились мощные оборонительные сооружения. От Аккермана уходили шоссейные и железные дороги на Кишинев, Измаил и дальше, в Румынию. Если к тому же вспомнить, что Женя и Тамара были выброшены в тыл врага 25 марта 1944 года, незадолго перед наступлением 3-го Украинского фронта, то нетрудно представить, какая важная и ответственная задача была поручена разведчицам.

Конечно, Женя и Тамара вряд ли смогли многое сделать, если бы семья Студентовых, а через них и многие другие советские патриоты, имена которых так и остались неизвестными, не помогли девушкам в их работе. Организацией сбора разведывательных данных занимались Андрей и тетя Таня. Помогали Виктор, ее младший сын, и 15-летняя дочь Варя. Вместе со своими друзьями-комсомольцами они каждый день бывали в городе, и от их глаз ничто не могло укрыться. А вечером собранные за день сведения аккуратными колонками цифр ложились на клочок бумаги и тут же передавались в штаб советских войск.

Уже почти полмесяца работали в Аккермане разведчицы. За это время многое изменилось на фронте. Советские войска освободили Одессу и вышли к Днестровскому лиману. Теперь до наших передовых частей было всего лишь несколько километров. Девушки уже готовились к встрече своих, но вдруг по радио получили приказ: срочно перейти западнее, в район Болград — Рени, и оттуда передавать сведения о противнике.

Задача была очень трудная. Питание к рации было на исходе.

Но идти надо. Тетя Таня дала на дорогу немного денег. Она же упросила офицера, стоявшего несколько дней у нее на квартире, взять с собой дочек, которые очень боятся красных и хотят уехать к родным в Румынию. На дорогу зажарили самого лучшего

х перекрестках

гусака, достали у соседей небольшой бочонок вина.

И вот к отъезду все готово. Девушек посадили в кузов закрытой грузовой автомашины, а их вещи, в знак особого внимания, обер-лейтенант велел положить в багажник своего «оппель-капитана». Пришлось согласиться, хотя всю дорогу девушки волновались: что, если офицер или его шофер заинтересуются, какие пасхальные подарки везут с собой девушки?

Но все обошлось благополучно. Жаль только, что дальше Акмангита немцы не ехали. Неожиданно вся колонна повернула на юг, к морю. Пришлось сойти в Акмангите. Заночевали у Семена Горбенко, дальнего родственника Аксеновых. Рацию закопали на огороде, под стогом.

Утром в селе началась облава. В балке, что была поблизости, нашли два парашюта, и теперь жандармы искали парашютистов. Целую неделю пришлось прятаться в плавнях.

Когда тревога улеглась, Тамара ночью откопала рацию и попыталась связаться с центром. Но усилия оказались напрасными: батареи питания разрядились. Едва не плача, Тамара рассказала об этом Жене.

Девушки задумались. Что делать дальше?

— Придется возвращаться назад,— решила наконец Женя.— Попытаемся достать питание в городе.

И вот они снова в Турлаках. Питания к рации в городе найти не удалось, и Женя решила с помощью Андрея перебраться через лиман к нашим. Получить там все необходимое и вернуться обратно. А Тамаре на это время она велела устроиться домработницей в богатую семью в пригороде Аккермана.

Но случилось непредвиденное: во время одной из облав девушек арестовали. На первом же допросе стало ясно, что их кто-то выдал. Разведчиц под конвоем отправили в Сарату, где находился штаб округа, а оттуда — в Кишинев, в информационное отделение, возглавляемое колонелом Бэдэрэу...

Ты должна это сделать, Тамара!

Допрашивали часто. Били. Боясь, что Тамара не вынесет пыток, Женя приказала ей сказать, что она не знает шифр.

В синяках и кровоподтеках Женя лежала в камере на дне опрокинутого книжного шкафа, служившего подругам кроватью. Солома и обрывки каких-то довоенных бухгалтерских отчетов были вместо подушек и матраса.

В одну камеру подруг посадили недавно. Очевидно, их участь уже была решена.

— Тебя сегодня били? — спросила Женя, когда после очередного допроса Тамару втолкнули в камеру.

— Нет, Женечка. Вот уже третий день колонела как подменили: все уговаривает согласиться работать у них радисткой. Хотят с группой выбросить в тыл к нашим.

— Ну, а ты?

— Что я? Лучше смерть, чем такое!

— Лучше смерть...— задумчиво проговорила Женя.— А их выбросят...

— Кого «их»? — не поняла Тамара.

— Разведчиков. Фашистов. Вот кого!

— Ну и что? Их все равно наши переловят.

— Конечно, их поймают. Но сколько они могут навредить!

Помолчали. Каждая думала о своем.

— А может, Тамара, тебе стоит согласиться?

От неожиданности та опешила. С минуту смотрела на подругу удивленными, ничего не понимающими глазами.

— Да ты что, с ума сошла? Как ты можешь говорить такое?!

— Нет, я, Тамара, серьезно. Давай вместе подумаем. Вот мы сейчас здесь, в камере. А какая польза нашим? Никакой. А если бы тебе представилась хотя бы малейшая возможность помочь им? Неужели ты бы отказалась?

— Конечно, нет!

— Вот видишь. А у тебя есть такая возможность.

— У меня? Да ты о чем, Женя?

— Да все о том же. Ты должна согласиться. Тебя выбросят с группой в тыл к нашим, и ты... Понятно? Лишь бы не догадались раньше времени.

— А как же ты, Женя? Ведь они замучают тебя здесь. Я не могу так. Нет!

И Тамара, уткнувшись головой в плечо подруги, заплакала.

— Успокойся, доченька,— ласково сказала Женя. Так иногда она звала свою младшую подругу.— Надо, понимаешь, очень надо, чтобы ты вернулась к нашим и рассказала обо всем. Я не прошу тебя, а приказываю.

...Наутро Тамару увели на допрос. Вернулась она не скоро.

— Ну как? — В голосе Жени нетерпение, тревога.

— Сказала, что подумаю и завтра скажу.

— А он?

— Обрадовался. Ласковый такой. Говорит, денег даст много, замуж выдаст за гвардейского офицера.

— А ты не перестаралась?

— Думаю, что нет.

Тамара устало опустилась на край «кровати».

А на следующий день Тамара подписала «ангажемент» — обязательство работать на разведку его величества короля Румынии Михая. Подписала лишь при одном условии: ее подруге должна быть гарантирована жизнь и безопасность. Бэдэрэу с готовностью согласился, сказав, что Женя останется заложницей, на всякий случай. И уже за несколько дней до вылета на задание Тамара подписала еще один документ. В нем говорилось, что, если она не выполнит задания или попытается бежать к русским, ее подруга «умрет в страшных мучениях».

Несколько недель занятий в школе, где готовили диверсантов, позади. Тамару познакомили с группой, с которой она вылетит на задание. Возглавлял ее Василе Штефанеску, сын кулака из-под Черновиц. У диверсантов были автоматические пистолеты, гранаты, мины и другое необходимое в таких случаях снаряжение. Тамаре «забыли» дать пистолет, и когда она с обидой сказала об этом начальнику, тот постарался ее успокоить:

— Зачем тебе оружие? Ведь ты же радистка, и тебя вся группа будет охранять.

Наступил день вылета. Тамара прощалась с Женей. И даже сейчас, расставаясь навсегда, нужно было сдерживать себя: за ними наблюдали. Говорили ничего не значащие слова, бессмысленно улыбались. Но в глазах друг друга девушки прочли то, чего нельзя было сказать словами.

Взревели моторы, и «Юнкерс», специально выделенный немецким командованием, ушел в темноту ночи.

С пристегнутым парашютом и рацией, закрепленной на груди, Тамара сидела на металлической скамейке. Напротив, рядом,— ее враги. Они испытующе поглядывают на Тамару.

...Первым прыгал Штефанеску, за ним — Тамара и сразу же — Стан.

Когда парашют раскрылся и утихла болтанка, Тамара оглянулась кругом. Немного ниже белел в темноте купол. «Штефанеску»,— подумала девушка. Отыскала она и своего «помощника», он спускался почти рядом.

Решение пришло неожиданно. Рывком поджав стропы парашюта, Тамара начала быстро скользить вниз. Порывистый ветер относил ее в сторону. Теперь она уже не видела парашютов Стана и Штефанеску, они растаяли во мраке.

Быстро приближалась земля, только за каких-нибудь сто метров до нее Тамара отпустила стропы. Купол парашюта расправился, и падение сразу же замедлилось.

Коснувшись земли, Тамара отстегнула парашют и бросилась бежать на лай собак, который она услыхала еще в воздухе.

Прошло семнадцать лет...

И вот спустя семнадцать лет после описанных событий я хожу и езжу по тем местам, где прошли свой нелегкий путь две девушки-разведчицы.

Сейчас иду в Александровку, где живет Тамара Аксенова, а потом буду добираться в Ивановку-Русскую, попытаюсь там разыскать родных и близких Жени Зенченко.

У меня есть несколько фотографий Жени. Те самые, что были в ее личном деле. На одной из них Женя снята в саду, у яблоньки, еще не одевшей весенний наряд. Когда я пытаюсь представить себе Женю в самую трудную для нее минуту, я вижу ее такой, как у этой молоденькой яблони.

Но сначала Тамара. Знаю, что трудный это будет разговор. Ведь и через семнадцать и через тридцать лет тяжело вспоминать годы, которые так много унесли с собой друзей и родных и оставили на память столько горя. Трудно вспоминать последнее прощание с лучшей подругой, ее улыбки, шутливые напутствия, за которыми — об этом знала тогда только она — притаились мужество и добровольно подписанный самой себе смертный приговор. Но об этом не должен был никто догадаться. Только две девушки. Это было семнадцать лет назад.

С волнением стучу в дверь, переступаю порог дома. Вот и Тамара. Такая же, как на давних фотографиях. Конечно, годы и пережитое оставили свои следы. Но это видишь только вначале. А потом не замечаешь ни морщин, ни тонких нитей преждевременной седины. Наверное, это потому, что глаза у Тамары молодые, задорные.

...После того, как с ее помощью была поймана группа диверсантов, Тамара почти до конца войны прослужила в армии, а потом поступила учиться в Кишиневский сельскохозяйственный институт. Закончила его, работала агрономом, потом преподавала биологию в средней школе, а сейчас — инспектор-организатор Тарутинского колхозно-совхозного территориального управления.

...Первые приветствия, обычные при встрече.

И сразу же неожиданное:

— А знаете, Женя жива!

Голос Тамары ликующий, звонкий. Рассказывает, как все это было.

...Демобилизовавшись в конце войны, Тамара попыталась узнать о судьбе своей подруги. Написала ее родным в Ивановку-Русскую, но ответа не получила. Из части на ее запрос сообщили, что «Зенченко Евгения Семеновна не вернулась с боевого задания в апреле 1944 года...»

Не хотелось верить, что Женя погибла, но все дальнейшие поиски были безуспешными. Шли дни, месяцы, годы. Со временем несколько притупилась боль утраты, да и жизнь в эти годы не скупилась на испытания. Несколько лет Тамара тяжело болела, а когда немного поправилась, нужно было работать, растить троих детей, оставшихся без отца.

И вот однажды почтальон принес волнующую весть — письмо Жени Зенченко! Правда, теперь у нее была другая фамилия, Константинова, и жила она не в Одесской области, а в Молдавии, где ее муж работал в средней школе.

И вот мы едем в большое молдавское село Олонешты, где живет Евгения Семеновна Константинова, а для нас с вами, читатель, она Женя Зенченко, просто Женя...

Не берусь описывать эту встречу. Как бежали друг другу навстречу две женщины. Как перебивали друг друга вопросами. Как плакали, обнявшись.

Женя уцелела чудом. Это было ночью под Фокшанами в августе 1944 года. Отступавшие гитлеровцы заночевали в большом селе в десяти километрах от города. Женю вместе с другими красноармейцами, захваченными в плен, на ночь загнали в сарай и выставили охрану. Но на рассвете неожиданно началась стрельба. Советские войска прорвались на этом участке, и гитлеровцы в панике разбежались, не успев уничтожить пленных.

С частями Красной Армии Женя дошла до Вены. Демобилизовавшись, вернулась домой. Вышла замуж. Сейчас муж ее работает завучем в школе, а Женя — воспитателем в группе продленного дня. У нее двое детей.

Вот, пожалуй, и все, что я знаю о них.

Они подружились на одном из перекрестков войны. И расстались так же неожиданно, как встретились. И вот снова вместе, уже на другом перекрестке — мирном.

...Идут по деревенской улице две женщины. Смеются и плачут. И никто, быть может, не знает, что встретились две разведчицы, мужество которых не могли понять и не понимают многие просвещенные гуманисты.

ПОД ГРАДОМ КАМНЕЙ, ПОД ДОЖДЕМ ПЛЕВКОВ

Красноречиво проявляли свои чувства к вице-президенту США жители столицы Венесуэлы Каракаса.

Фото из журнала «Лайф».

В. НИКОЛАЕВ

Когда у человека все в прошлом, когда нет ничего впереди, он часто утешает себя: «Есть что вспомнить!» — и пишет мемуары.

Вспоминают разное, разные бывают и мемуары. В последнее время страсть к их написанию обуяла почему-то бывших американских президентов и вице-президентов. Не успел разразиться воспоминаниями Трумэн, как за ним вдогонку пустился Никсон. Позавидовал, видно. У Трумэна, действительно, есть что вспомнить. С геростратовым самодовольством вспоминает он, как отдал приказ сбросить атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Это его величайшая гордость.

Подумал-подумал Никсон и тоже кое-что припомнил. И вот сразу в нескольких ведущих американских журналах появились его мемуары—воспоминания о поездке по Латинской Америке в бытность Никсона вице-президентом.

Никсон не представлял, что ждет его в Латинской Америке. Очевидно, просто не предполагал, что у бедных людей, ограбленных Уолл-стритом, может быть чувство собственного достоинства. Отправляясь в дальний путь с официальным визитом, Никсон считал, что «это будет нечто вроде развлекательной туристской поездки». Он предсказывал в прощальном интервью, данном американским репортерам, что «с журналистской точки зрения эта поездка будет самой заурядной и скучной». Но он жестоко ошибся. Поездка оказалась настолько ошеломляющей, что о ней можно даже писать мемуары.

В столице Перу Лиме вице-президент был встречен листовками. Одну из них он сохранил и теперь цитирует: «Присоединяйтесь к нам! Кричите, что есть силы: «Долой Никсона! Смерть американскому империализму!»

В другой листовке дается лаконичная и гневная характеристика Никсону. Неудавшийся президент приводит ее, желая, очевидно, еще раз подчеркнуть, что он «без лести предан». Вот это определение: «Никсон — наиболее наглый агент монополистических кругов».

Да, тяжеленько было Никсону в Лиме. Даже ночью его преследовали кошмары и... «благодарные» перуанцы. «Я спал очень мало в ту ночь,— вспоминает он.— Я беспрестанно ощущал напряженную атмосферу. Толпа, окружавшая наш отель, и ночью кричала: «Никсон, убирайся!»

Посещение университета в Лиме, судя по мемуарам, произвело на Никсона большое впечатление. На нескольких страницах он описывает свои бесконечные консультации с правительством Перу и американским послом на тему «Быть или не быть?», то есть ехать или не ехать. Хотя бы одна-единственная встреча, хоть со студентами, должна была состояться за время визита. А ехать на эту встречу, ох, как не хотелось! И неспроста. Вот как описывает тот день сам мемуарист:

«За два квартала до университета уже был слышен неистовый рев толпы: «Долой Никсона! Смерть Никсону!»

В окружении агентов секретной службы Шервуда, Уолтерса и других Никсон все же рискнул начать свое выступление перед студентами. Но вот что из этого вышло.

«Я оглянулся,— повествует Никсон,— и увидел, что Шервуд закрыл лицо рукой. Уолтерс шепнул мне: «Мистер вице-президент, они швыряют в нас камнями». Я сказал Шервуду: «Давайте выбираться отсюда...» Пока мы шли к автомашине, камни свистели вокруг нас. Когда мы достигли безопасного места, я обернулся и сказал что-то Шервуду. Он ответил, и я увидел, почему он закрывал рукой свое лицо: один из его передних зубов был выбит камнем».

Поистине незабываемые впечатления вынес Никсон из этой поездки. Каждая строка его мемуаров насыщена событиями, которые, как видно, до сих пор неотступно маячат перед глазами экс-вице-президента. Вот, к примеру, очередная встреча на аэродроме в Венесуэле:

«Мы стояли, слушая национальный гимн и традиционный орудийный салют из 21 залпа. А за чертой аэродрома демонстранты выражали свой протест так громко, что едва был слышен оркестр и салют. Полковник Уолтерс шепнул мне: «Они настроены не совсем дружественно, мистер вице-президент».

Ох, уж этот проницательный шепчущий полковник из личной охраны Никсона! Автору мемуаров удалось создать теплый образ своего верного друга-полицейского, на плече у которого он мог и всплакнуть от досады и за которого в случае необходимости мог спрятаться от камней.

Судя по мемуарам, автор собрал за время поездки по странам Латинской Америки единственную в своем роде коллекцию — коллекцию плевков. Кто не верит,— читайте мемуары.

Началось все в Перу. «Один из толпы,— пишет Никсон,— плюнул мне в лицо...»

В Венесуэле при встрече высокого гостя на аэродроме Каракаса произошло нечто невиданное. Бывший вице-президент вспоминает:

«Когда мы подошли к самым дверям здания аэродрома, оркестр снова заиграл национальный гимн. Мы остановились, и я вдруг почувствовал, что как будто начался дождь. Я взглянул наверх. Сотни людей, перегнувшись через барьер балкона, плевали на нас, а мы стояли и слушали национальный гимн. Многие плевки были темно-коричневыми, так как толпа жевала табак».

И еще одно впечатление:

«На нашу машину летел такой бесконечный поток плевков, что шоферу пришлось включить очиститель ветрового стекла».

Одним из волнующих эпизодов путешествия является поездка Никсона по улицам Каракаса. Он ехал, конечно, не для удовольствия, не с целью осмотреть достопримечательности столицы Венесуэлы. Ему просто нужно было добраться от аэропорта до американского посольства. А сделать это оказалось нелегко.

«Как только мы достигли черты города,— пишет Никсон,— я услышал монотонный стук камней о нашу машину. Масса людей устремилась на середину улицы. Все они размахивали плакатами, выкрикивали проклятия, плевались, швыряли камни. Окна машины были закрыты, внутри было жарко и душно; мы ехали, словно в танке. Толпа сорвала с машины американский и венесуэльский флаги. Один из камней все же разбил стекло, и на нас полетели осколки. Венесуэльский министр иностранных дел схватился за лицо и застонал: «Мой глаз, мой глаз!»

Люди теперь кричали «Смерть Никсону!» гораздо чаще, чем «Никсон, убирайся домой!». Еще одно окно было разбито. Уолтерса ранили, ранен был и Шервуд. Один осколок угодил в лицо и мне. Я подумал, что нас могут и убить».

Последняя мысль, видно, крепко поразила Никсона, и он тут же решил отнестись к своей персоне по-серьезному.

Вот как, по словам самого Никсона, он, наученный горьким опытом, стал ездить по дорогам Латинской Америки:

«Наш эскорт походил на армаду, готовую к вторжению. Черный лимузин был теперь окружен двенадцатью грузовиками с солдатами. На полу нашей автомашины были сложены автоматы, револьверы, гранаты со слезоточивым газом...»

«Мы пересекли весь город без инцидентов»,— с удовольствием констатирует на этот раз Никсон. И спать он стал лучше в последующие дни поездки. «Посольство, где я жил,— поясняет Никсон,— охранял отряд американской морской пехоты, подкрепленной четырьмя сотнями венесуэльских солдат. Посольство походило на крепость».

Что еще можно добавить, говоря о мемуарах Никсона? Разве только то, что он, как и многие мемуаристы, не удержался от назидания потомкам. Он составил своего рода инструкцию, как нужно обходиться с разбушевавшейся толпой, бороться с демонстрантами. Но приводить инструктивные тезисы здесь не имеет смысла. Если другие страницы воспоминаний Никсон написал сам, так сказать, от чистого сердца, то этот раздел мемуаров он просто списал с полицейской инструкции. Не будем же цитировать ее, дабы не поощрять плагиаторов.

Запас челове

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ. ЖУРНАЛЫ В ИЮЛЕ.

Став небожителем без кавычек, в полном смысле слова, Человек не гнушается весело спросить у Земли, с каким счетом закончился футбольный матч, и поздравить с выигрышем любимую команду «Шахтер».

Таков уж герой наших дней.

Чем необычнее, чем удивительнее свершаемый им подвиг, тем проще и доступнее он сам. Восторгаясь Гагариным и Титовым, Николаевым и Поповичем, люди безошибочно, сердцем ощущают их героическую и в то же время такую «обычную», ясную и открытую человеческую сущность. У людей возникает какая-то необъяснимая, но радующая догадка: как бы ни были надежны замечательные машины, врученные героям на Земле, они, осваиваясь в небе, завоевывают его в конечном-то счете не только великолепными возможностями этих машин, но и возможностями своей человеческой души.

Человечество неумолимо предает забвению все недоброе, ненужное ему. И кажется, что у человечества, словно у человека, тоже есть сердце. Оно умеет различать кривые тропы честолюбцев, пути ненасытного тщеславия от прямой дороги, от простых и скромных дел, которые делаются ради других, а не в утеху душевному стяжательству — оно-то порой куда пострашней всякого иного!

Да, мы утверждаем: дорогу осилит идущий. Но непреложные законы нашего общества, законы коммунистической нравственности требуют взглянуть непредвзято и на самую эту дорогу, и на «запас», взятый с собою в дорожную котомку, какой бы она ни была космически совершенной.

Дороги же эти случаются не только на поворотных этапах истории. И выпадают не только для избранных. Белорусский парнишка Михась, партизан из повести Павла Нилина «Через кладбище» («Знамя»), и тихая Женя, медсестра, героиня повести Александра Абрамова «Когда скорый опаздывает» («Москва»),— каждый посвоему утверждает гуманизм нового человека, присущий ему душевный свет как добрую и побеждающую, наступательную силу коммунизма.

С более чем ненадежными, прямо-таки липовыми документами отправляет П. Нилин в дорогу своего Михася за взрывчаткой в Жухаловичи, где на каждом шагу немцы. Если в случае чего придется немцам пропуск показывать, печать надо пальцем прикрывать!.. Да и вообще с нелегким сердцем отправляется Михась в Жухаловичи, ничуть не скрывая своих сомнений. Но, удивительное дело, нас нисколько не пугает, не отталкивает неуверенность Михася. Явное его простодушие, отсутствие малейшей позы, рисовки позволяют вдруг ясно почувствовать за всем этим нравственную силу героя. Чистосердечность, открытость Михася заметно роднят его с Сашей Егоровым и Сергеем Зайцевым, поразившими читателя своей искренностью, неподдельной ясностью в повести П. Нилина «Испытательный срок».

Покидая Жухаловичи, Михась сознает вдруг, что паршивые документы его больше уже не тревожат. «И очень, пожалуй, худо будет тому, кто попытается сейчас их проверить, кто попытается поставить под сомнение его право передвигаться по родной земле».

Вот откуда идет ощущение нравственной силы, высоты этического идеала — мысль о счастье родной земли.

Современность Михася — в его человечности. И это именно нилинский герой; таких людей автор рисует с мастерством и особой любовью, показывая в их нравственном запасе такую важную моральную категорию, как совесть.

Во время культа личности самое понятие «совесть» часто связывалось с ненужной мягкотелостью и вообще было отнесено в область чего-то отжившего, архаического. Надо ли объяснять причины этого... Важно другое. Литература наша, заговорив во весь голос о силе добра и человечности, усиливает свои позиции — этические и эстетические— в борьбе за Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье людей.

Присмотримся повнимательнее к скромной медицинской сестре Жене Зайцевой в повести А. Абрамова «Когда скорый опаздывает». Она едет в какую-то неведомую Котлумань, везет медикаменты и инструментарий для амбулатории в рудничном поселке.

Писатель и сам поначалу словно не может скрыть того изумления, которое вызвано у него стремлением Жени всегда говорить людям правду, поступать по совести.

Женя считает, что ключ к каждому человеку есть. Этот ключ — совесть.

Не надо при этом думать, что Женя — явление исключительное. «Таких теперь много,— говорится в повести.— Еще при Николае Первом они больше в монастырь шли, но уже при Николашке Втором — в революцию. Ну, а теперь — их время...»

Да, конечно, «их» время — это наше, сегодняшнее время, время людей, подобных Жене Зайцевой. Ибо революция, рождавшаяся и побеждавшая благодаря невиданным подвигам самоотречения и нравственной красоты, безотлагательно требует сегодня сделать эту же самую нравственную красоту законом поведения.

Ведь, по сути дела, именно об этом говорит и Чингиз Айтматов в своей повести «Первый учитель» («Новый мир»). Все события ее как бы пропущены автором через призму совести; они предстают перед читателем то как живой укор, то как напоминание, то как деликатный вопрос: а не случилось ли похожего и в вашей жизни? Может быть, добившись успеха, благополучия, где-то забыли мы о людях, бывших первыми нашими наставниками, помощниками, советчиками, просто друзьями?.. Повесть вызывает множество жизненных ассоциаций, и каждая из них опять-таки апеллирует к тому, что мы называем нашей отзывчивостью, стремлением к добру — к нашей человечности.

Столь же широко, с ощутимым вторым планом, читается повесть туркменского писателя Наримана Джумаева «Тихая невеста» («Дружба народов»). Казалось бы, как понять в наши дни конфликты и столкновения между юной, кроткой Сельби и ее властной свекровью Марал-эдже, подчиняющейся стародавним законам. Но автор не только убеждает читателя в реальности конфликта, он помогает во имя той же человечности видеть еще не достроенное в жизни...

...Сельби завоевывает свое счастье, пожалуй, так же, как Женя Зайцева,— нравственным превосходством, исходящей от нее доброй силой. Иначе никогда не задумалась бы старая Маралэдже о равенстве мужчины и женщины, никогда не пришла бы к мысли о том, что «если человек мучает другого, ему и самому нет счастья», не стала бы спрашивать себя: зачем живет человек?

Но пусть, пусть даже поздно, в самом конце жизни, приходят к людям такие вопросы! Что и говорить, трудно на склоне лет повертывается человеческая судьба, меняются мысли, заново налаживаются отношения. Только юность принимает такие повороты, подчас самые резкие, болезненные и неожиданные, с пользой для себя, для своего духовного мира. Об этом ласково, лирично, без всякой назидательности рассказывает Эдуард Шим в прелестной поэтической повести «Королева и семь дочерей» («Знамя»).

Те испытания, которые проходит здесь Алешка — самонадеянный мальчишка с паразитическими задатками, этакий папенькин сыночек,— конечно, ничем не напоминают испытаний нилинского Михася. И время и обстановка — все иное. Но и Михасю и Алешке пришлось увидеть, как человек умирает за других. И потрясенный Алешка тоже начинает теперь понимать, что делает человека человеком. Понимать, что и его, Алешкина, совсем еще маленькая жизнь тесно, прочно связана с огромной человеческой жизнью; что есть, обязательно есть связи между всеми людьми на земле, связи святые, нерушимые... «Все жизни кем-нибудь подарены, кем-нибудь оплачены,— смутно догадывается Алешка,— и, может быть, в этом самое главное?..»

Выражение сокровеннейшей человеческой сущности — характер, привычки людей—неизменно связано с приметами времени.

С Максимом — героем повести В. Козлова «Трудный парень» («Нева») — мы встречаемся в 1946 году. Парень едет к родным на крыше пассажирского вагона в Великие Луки, разоренные и обездоленные войной. Чего только не изведал мальчишка за свою недолгую семнадцатилетнюю жизнь! Но ничто не заставило его утратить ликующее ощущение радости бытия, дающееся только чистым и сильным натурам.

Следишь за перипетиями бурной, неупорядоченной жизни Максима и думаешь, что, может быть, и не стоило автору уводить всю эту историю в прошлое, так далеко от наших нынешних дней. Ситуации, схожие с тем, что переживает Максим, когда понаторелый жулик, бандит дядя Корней тянет парня в свою компанию, встречаются ведь и в наше время.

Понятно, в обзорной статье нет возможности не только разобраться в особенностях типизации образов, стиля, языка, но даже и коротко поговорить об этом. Но читатель, замечая несомненную общность проблематики, радуется разнообразию писательских манер повествования, самобытности писательского разговора, оригинальности замыслов.

Впрочем, и то сказать, оригинальность оригинальности рознь.

Весьма оригинальны, даже необычны люди, описываемые в рассказе «За проходной» И. Грековой («Новый мир»). Необычностью своей они напоминают, пожалуй, героев фильма «Девять дней одного года».

Итак, эти люди значительны и необыкновенны. Что-то открыто им такое, что пока еще неведомо для подавляющего большинства человечества. Трудно говорить о них. Трудно говорить и с ними. Проникнув в мир, начинающийся за проходной, чтобы проинтервьюировать научного руководителя лаборатории, корреспондент чувствует понятную растерянность: о чем-то надо ведь спрашивать Лагинова. Но тот неожиданно начинает разговор сам: «Да. Многое меняется. Мир становится неузнаваем. Но не более ли удивительно другое? Не то, что меняется, а то, что вечно. Человек с его потребностями... Человечность... Любовь».

Вечером корреспондент пишет очерк о лаборатории. Зло высмеивает И. Грекова пустопорожние, гладкие и правильные фразы, стертые, ничего не значащие слова, почти без помарок ложащиеся на бумагу. Ничего не сумел узнать о людях десятой лаборатории корреспондент. Да и чего уж там требовать от него: очеркист, газетчик! Поэтам и то не дано знать, каковы они —

чности

Философы, насмешники, аскеты,
укрытые от мира проходной...

Это строки из стихотворения, которое посвящает своим товарищам Женька Стрельцов по прозванию Лирик, один из работников лаборатории.

Увы, хоть читатель, бесспорно, и заинтересован героями И. Грековой, все же у него не становится «горячо внутри», когда он начинает пристальнее всматриваться в них либо же вздумает понаблюдать за ними: а как они действуют, как проявляют себя в поступках.

Здесь, пожалуй, самое уязвимое место рассказа «За проходной». Автору удалось вполне убедительно, остроумно показать, как беспощадно вышучивает Вовка Критик—самый ехидный среди работников лаборатории — ни о чем не подозревающего корреспондента газеты. Об остальном же И. Грекова говорит вполголоса.

Ну что ж, согласимся принять на веру позитивную сторону деятельности молодых ученых. И, однако же, все равно остается неприятное ощущение их высокомерия, а порой нарочитости, неестественности. Автор то ставит их в позы не совсем естественные, то заставляет разговаривать странным языком — фразами, состоящими из нелепостей и тарабарщины.

Сотрудники лаборатории особенно любят, например, смотреть и слушать Чифа — это и есть профессор Лагинов, их начальник. «Ему даже не нужно было гласной, чтобы поставить ударение. «В! — кричал он.— К! — и все становилось ясно. Это было зрелище великолепное, яркое и немного эксцентрическое»,— восхищается И. Грекова.

А чего стоит Мегатонна, который в науке якобы силен, «...как буйвол. Дико силен и дико некультурен. Он, кажется, никогда ничего не читал. Думает, что Вьетнам в Америке. Даже книг по специальности не любит. Иногда, послюнив палец, листает и с отвращением откладывает. «Еще читать,— думает он,— сам сделаю». И действительно делает. Способности у него необыкновенные. «От земли»,— как сказал Вовка Критик.

Говорит он всегда непонятно, но интересно... «Это без когда ничему вовсе»,— говорит он».

Но при всем желании невозможно поверить в идущие «от земли» способности Мегатонны, невежды, одинаково именующего дельту и бету — бельтой, а альфу — козявкой. Автор, видимо, и не замечает, как пародирует образ ученого, превращая его в троглодита, косноязычного, пещерного жителя. Поэтому-то герои рассказа И. Грековой порою кажутся людьми менее реальными, чем, скажем, персонажи фантастической повести Геннадия Гора «Странник и время» («Звезда»).

Это произведение написано живо, с увлечением. Геннадий Гор не просто фантазирует, воссоздавая необыкновенные ощущения ученого Погодина, который находился триста лет в анабиозе, а потом вернулся к жизни на Земле. Он ничего уже не узнает вокруг себя, все изменилось... И наблюдая за всем новым, чем теперь живет Земля, Павел Дмитриевич Погодин высказывает интересные мысли о прошлом Земли, думает, размышляет. Произведение населено необычными действующими лицами — пришельцами с других планет. Они тоже делятся своими наблюдениями, переживаниями. Однако самым волнующим в этой необыкновенной повести остаются стихотворные строчки:

Глядя в будущий век, как
тревожно ты, сердце, ни бейся,
ты умрешь, но любовь
на земле никогда не умрет.

В этих неожиданно простых словах снова ощутимо возникает тема человечности — главная тема нынешней прозы.

...Жаль, что о критике в июльских номерах пришлось сказать лишь под занавес; уж очень много интересных, содержательных критических выступлений. Да и вообще это неверно, что «тонкие» журналы люди будто бы начинают читать с конца, а «толстые» — с начала...

Любой книгочей развернет седьмой номер «Звезды» на глубокой, серьезной статье В. Днепрова «Спор о природе романа». Это — яркое, по-настоящему творческое исследование эстетических средств воплощения жизни в романе.

В «Октябре» сразу же начинаешь читать статью в письмах Ал. Дымшица «Человек и общество», рассчитанную на ответные читательские суждения, широкий обмен мнениями.

Зато явно узкому кругу гурманов слова адресует свое критическое эссе — заметки о прозе Владимира Тендрякова — Инна Соловьева в «Новом мире». Заметки написаны кокетливо. Однако можно догадаться, что проблемы в творчестве Тендрякова глухо противопоставлены прозе: чем гуще проблема «наваливается сверху прозы», тем хуже и для прозы и для проблемы, считает И. Соловьева.

Настоящее украшение «Дружбы народов» — статья Леонида Новиченко «Я, человек, я, коммунист». И здесь критика присоединяет свой голос к общему творческому разговору о человеческом и общечеловеческом, взятом на вооружение коммунизмом.

Так и кажется, что литература и искусство стремятся во всех аспектах воплотить человечность мира: она в наши дни нужна людям, как хлеб, как воздух.

Н. ТОЛЧЕНОВА

У Земли родились близнецы. Теперь у нее большая семья.

Ей теперь нечего завидовать Сатурну. У нее собственное кольцо.

Рисунки французского художника КАМБА.

НАКОНЕЦ-ТО ФИНИШ!

Сало ФЛОР, международный гроссмейстер

28 июня на острове Кюрасао со всех сторон слышались слова: «С победой, с окончанием!» Да, всему бывает конец, закончился и турнир претендентов. Усталые, даже измученные гроссмейстеры с удовольствием укладывали шахматные фигурки в ящички и шахматную литературу в чемоданы. Хватит, наигрались!

Впрочем, не все участники турнира могли упаковать свои шахматные доспехи. Утром 28 июня доигрывалась последняя партия Е. Геллер — П. Бенко. Изменить эта встреча ничего не могла, но не оставлять же белых квадратиков в заполненной турнирной таблице! Дело в том, что Ефим Геллер о выигрыше не мог и мечтать, так как в ферзевом эндшпиле играл без пешки. Вот почему кассир продал на доигрывание всего один-единственный билет... И вдруг по городку разнесся слух: Бенко просрочил время! Геллер догнал Кереса и разделил с ним второе и третье места!

Как известно, П. Бенко в предпоследнем туре нанес поражение П. Кересу и лишил его возможности претендовать на первое место, теперь он нанес Кересу еще один удар, проиграв Геллеру.

Конечно же, поражение Бенко — это пример безответственного отношения к своим турнирным обязанностям. Эта партия не повысит авторитета Бенко в шахматном мире. Но так или иначе, а американский шахматист оказался «организатором матча» из восьми партий между Кересом и Геллером.

Возникает вопрос: так ли уж важно определить, кто занял второе место из этих двух гроссмейстеров? Да, это очень важно.

После своей победы над Михаилом Талем в 1961 году Михаил Ботвинник на пресс-конференции заявил, что его встреча с победителем турнира претендентов будет зависеть от состояния здоровья. Если Ботвинник откажется от матча с Т. Петросяном, то в этом случае победитель турнира претендентов будет играть матч на первенство мира с шахматистом, занявшим на этом турнире второе место. А это место после окончания турнира занимали по милости Бенко сразу два гроссмейстера — П. Керес и Е. Геллер. Вот в чем дело! Вот почему такой интерес представлял матч из восьми партий, который был проведен в Москве.

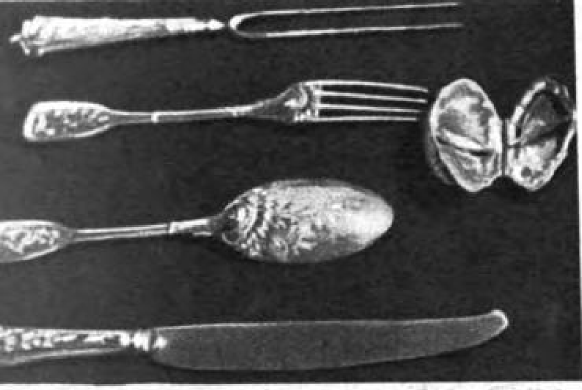
Сколько же раз за свою долгую жизнь турнирного бойца Пауль Керес добивался выдающихся успехов и терпел неожиданные поражения. И вот снова неудача, и какая! Имея все шансы на первое место в турнире претендентов, Керес оказался между вторым и третьим местом. После двухмесячного огромного напряжения надо снова садиться за шахматную доску, снова вести трудную борьбу. Это хоть кого могло выбить из седла. Но тут-то и сказалась высокая волевая закалка эстонского гроссмейстера.

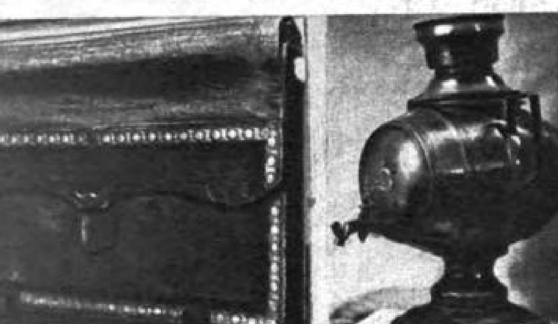
Матч, как и следовало ожидать, начался в исключительно напряженной борьбе. Первая партия — ничья, вторая партия — снова ничья, но после третьей Кересу удалось успешно завершить атаку и добиться победы. Еще после двух половинок, вписанных им в турнирную таблицу, у него снова все шансы на успех. Шестая партия могла бы быть решающей. Керес выиграл качество, и от победы его отделяло полшага... Но тут, видимо, сказалась усталость, волнение, и Геллеру удалось не только выравнять положение, но и выиграть.

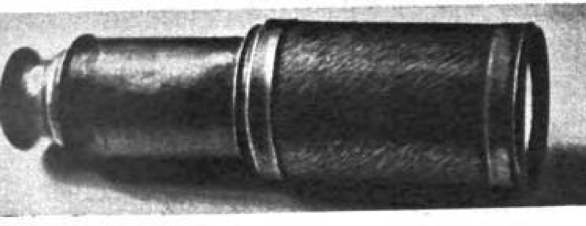
Так счет матча снова стал ничейным, а ничья для Геллера — победа: по таблице коэффициентов его положение в турнире претендентов предпочтительнее.

После боевой ничьей в предпоследней партии судьба матча решалась в последней, восьмой партии, и Пауль Керес провел ее отлично: разгромная атака и счет 4,5 : 3,5. Пауль Керес — второй призер турнира претендентов!

Так турнир на острове Кюрасао закончился в Москве.

Хранится в Историческом музее

С поля боя

В Государственном Историческом музее есть зал «1812 год». Реликвии и экспонаты рассказывают о боевой славе русских воинов в первой Отечественной войне. Здесь посетители могут увидеть личные вещи Кутузова: подзорную трубу, походный медный самовар, портфель, столовый прибор из золоченой бронзы, по преданию, подаренный Кутузову Суворовым.

Столовый прибор попал в музей недавно. Долгие годы он хранился у потомков Кутузова. Его прислали в музей из Венгрии. Туда из Италии приезжал один из потомков Михаила Илларионовича Кутузова, который передал реликвии советскому посольству, не назвав себя.

Разборная походная кровать Наполеона. Она умещается в небольшом чемодане. На кровати — шелковая пуховая перина и подушки. На спинке кровати — чехол с карманами. Никто не имел права будить императора. Депеши и донесения адъютант опускал в эти карманы, и когда Наполеон просыпался, он читал срочную почту.

Сани, на которых ездил Наполеон. После сражения под Красным он бросил тяжелую кибитку и пересел в легкие сани. Сани эти русской работы, принадлежали они, по-видимому, какому-то помещику. Наполеон потерял сани в бою у Березины.

К. БЕЛОВ

Маршал, потерявший жезл

Маршальский жезл Даву был захвачен в боях под Красным. Преследуя отступавшую армию Наполеона, русские войска 5 ноября подошли к Красному. Армия Тормасова была послана Кутузовым к селу Доброе с задачей перерезать пути отступления французской армии. Войска Голицына начали наступление на Красное. Наполеон ясно сознавал весь трагизм создавшегося положения, но упорно оставался в Красном: его беспокоила участь маршалов Нея и Даву, находившихся у Смоленска. Пытаясь спасти от полного разгрома войска Даву, Наполеон 5 ноября перешел в наступление, чтобы открыть дорогу отступавшему корпусу Даву. Однако все атаки французов были отбиты.

Тогда Даву решил пробиться к Орше. Половина корпуса его успела пройти село Доброе, но арьергард, прикрывавший отход главных сил, был отрезан и разгромлен русскими войсками. В этом бою захватили обоз Даву. Прапорщик Николай Конович обнаружил маршальский жезл и знаки почетного легиона 1-й степени, принадлежавшие Даву. Жезл тогда поместили в Казанский собор. Затем этот трофей передали в музей 1812 года.

ЗА ДОБЛЕСТЬ

Жители Лондона в 1814 году подарили графу Платову два кремневых пистолета. Казачьи полки Платова первыми встретили войска Наполеона после переправы их через Неман. С тех пор кавалерийский корпус Платова стал грозой французских захватчиков.

За время преследования наполеоновских войск от Малоярославца до Ковно казаки под командованием Платова захватили в плен более 70 тысяч солдат и офицеров, свыше 500 орудий, 30 неприятельских знамен и золото и серебро, награбленное французами в Москве.

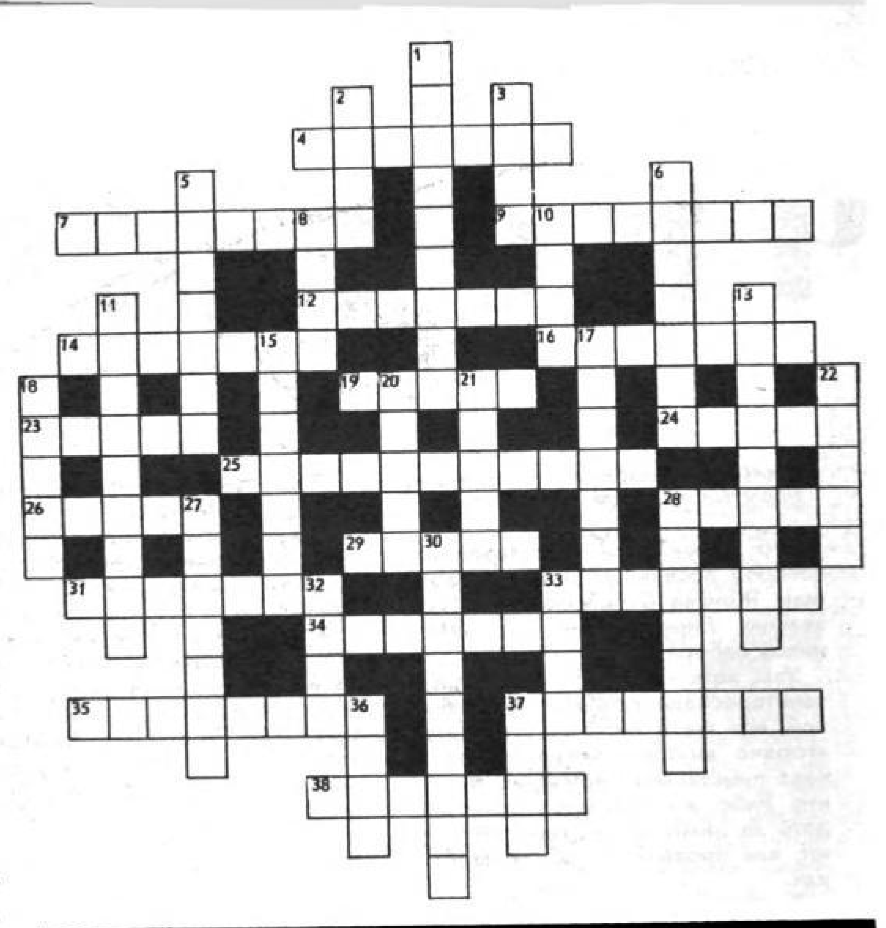
Москва — Париж

Среди многих военных реликвий музея выделяется золотая шпага генерала от кавалерии Дмитрия Владимировича Голицына. Голицын участвовал в сражении при Бородине, в боях под Тарутином, Малоярославцем, Вязьмой, Красным. При уничтожении французского корпуса маршала Даву под Красным он командовал двумя кирасирскими дивизиями и 3-м пехотным корпусом. В этих боях Д. В. Голицын проявил и личное мужество.

Шпагу Голицын получил за военные заслуги в день 15-летия Отечественной войны. Во всю длину клинка выведен золотом орнамент из дубовых и лавровых листьев. На каждом листе выгравированы названия мест и даты сражений, начиная с отступления французской армии от Москвы и кончая взятием Парижа. Тарутино, Малоярославец, Вязьма, Красное, Минск, Березина и другие пункты напоминают нам о победоносном пути русских войск. На обухе клинка надпись: «И. Бушуев. Златоуст. 1827 г.».

Г. КОЛОМИЕЦ,
заведующий отделом
оружия Государственного
Исторического музея.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Русский полководец. 7. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 9. Объединение промышленных предприятий различных отраслей. 12. Сахар. 14. Хищное животное. 16. Тактический прием в сражении гребных и парусных судов. 19. Каркас. 23. Размещение военных подразделений для их совместных действий. 24. Один из Ионических островов. 25. Партизан Отечественной войны 1812 года. 26. Исполнитель роли в спектакле. 28. Режущий инструмент. 29. Игра с мячом. 31. Грузоподъемный механизм. 33. Пункт остановки транспорта. 34. Травянистое болотное растение. 35. Река в БССР. 37. Село, вблизи которого проходила оборонительная позиция русских войск в 1812 году. 38. Аллея на городской улице.

По вертикали:

1. Гонщик на спортивном судне. 2. Живописец-баталист. 3. Войсковая часть. 5. Русский писатель. 6. Архитектор, восстановивший здание Московского университета после пожара 1812 года. 8. Жилье животного. 10. Объединение племен тюрко-монгольских кочевых народов. 11. Герой Отечественной войны. 13. Род войск. 15. Маленькое блюдце. 17. Гранитный массив. 18. Свод правил. 20. Исчисление предстоящих расходов и доходов. 21. Ансамбль из восьми исполнителей. 22. Холодное оружие. 27. Отраженный полет пули. 28. Древнерусское название эмали. 30. Автор оперы «Война и мир». 32. Приправа к кушанью. 33. Древнескандинавское и ирландское народное сказание. 36. Поэт-певец и музыкант у кавказских народов. 37. Лестница на корабле.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали:

1. Бурунди. 4. Турчанинова. 6. Бенуар. 7. Бобрик. 9. Литера. 11. Синяк. 13. «Мазепа». 15. Абонемент. 16. Привал. 17. Европа. 18. Спидометр. 20. Гарнир. 22. Афиша. 23. Кессон. 27. Аносов. 28. «Пенаты». 29. Александрит. 30. Титания.

По вертикали:

1. Бархан. 2. Умножение. 3. Изотоп. 4. Тенор. 5. Аорта. 6. Ботанизирка. 8. «Крестоносцы». 9. Лейпциг. 10. Аралсор. 11. Скорина. 12. «Клевета». 13. Материк. 14. Астатин. 19. Олимпиада. 21. Ижора. 24. Ераст. 25. Доцент. 26. Феерия.

На первой странице обложки: Горняки передовой шахты «Объединенная» Черемховского угольного бассейна.
Фото М. Савина.

На последней странице обложки: У нас в гостях художники «Крокодила».

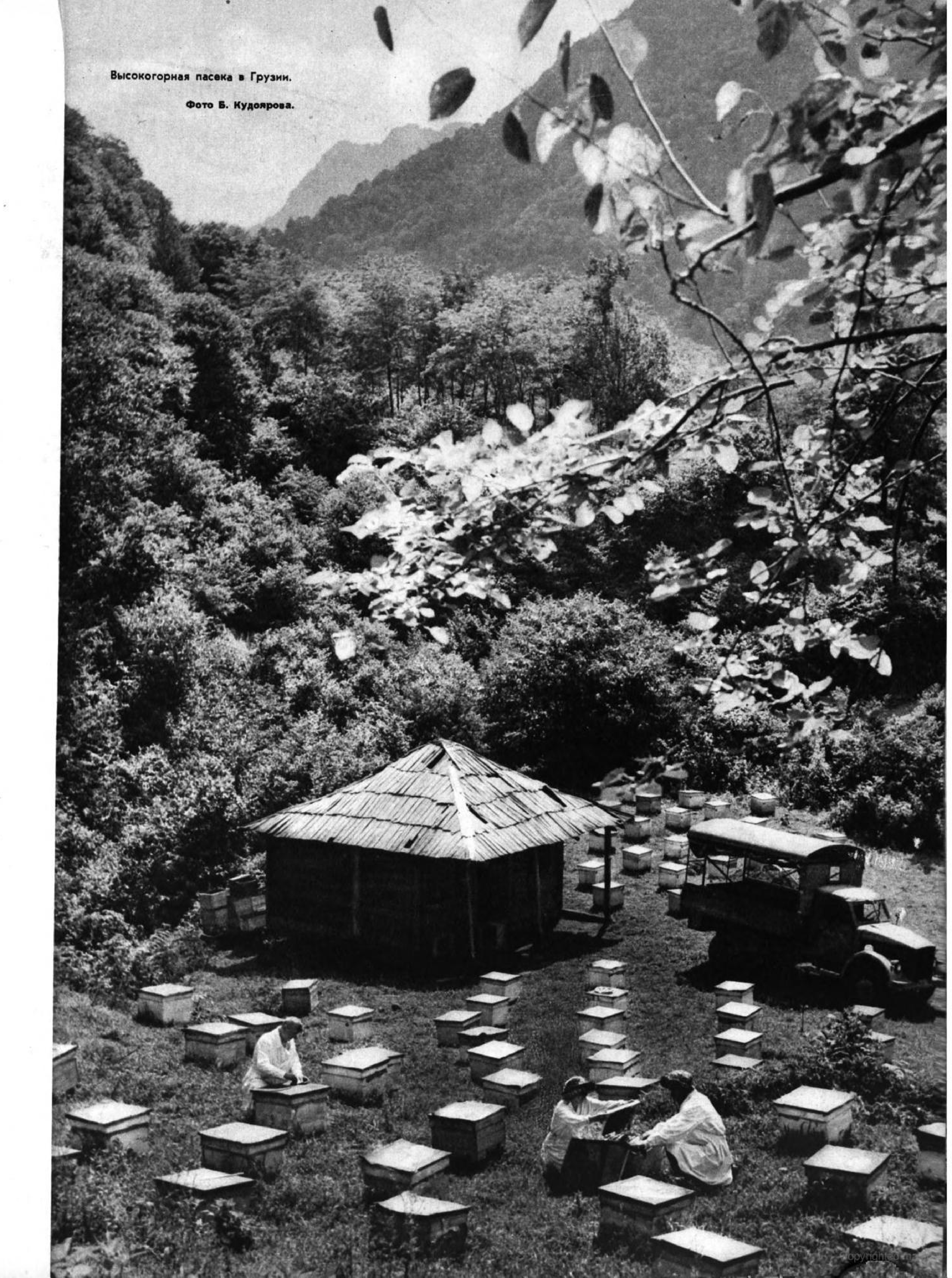
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00533. Подписано к печати 29/VIII 1962 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1295. Заказ № 2422.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Высокогорная пасека в Грузии.

Фото Б. Кудоярова.

Ревизоры налетели...

Рисунок И. Семенова.

— Ну и дорога!

Рисунок А. Каневского.

Ребенок стал просто невыносим.

Рисунок Е. Шукаева.

Цена номера 30 коп.